

© 2008 г. Н. В. ПЕРЦОВ

О СООТНОШЕНИИ ПИСЬМЕННОЙ И УСТНОЙ ФОРМ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

(К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания)*

Орѳографія, сія Геральдика языка,
измѣняется по произволу всѣхъ и каждого.

А.С. Пушкин

Эти ткани голубыя
Созерцаемъ только голубъ и я.

Велимир Хлебников

*Памяти выдающегося русского филолога
Максима Ильича Шапира (1962–2006)*

Письменная и устная манифестации языка – это отдельные формы существования данного языка. Устная форма, разумеется, первична в историческом аспекте, однако письменная форма не является чисто внешней оболочкой по отношению к устной, но представляет собой достаточно автономную систему, в определенной мере влияющую на устную (и, разумеется, испытывающую влияние со стороны последней). На примере ряда особенностей старого русского правописания – в основном с привлечением поэтических текстов первой половины XIX века – демонстрируется его высокая функциональная нагруженность, его тесная связь с планом содержания текста, из чего вытекает необходимость сохранения оригинального правописания для аутентичной передачи русских классических литературных текстов.

Основная задача настоящей работы состоит в обосновании активной роли письменной формы естественного языка и семиотической значимости правописания. Относительно слова «правописание» представляется уместным терминологическое разъяснение. В современной отечественной лингвистической терминологии нет, к сожалению, единства в обозначении как самой области правил начертаний в письменной речи, так и разных аспектов этой области. Термин «орфография» нередко употребляется как синоним «правописания» – например в монографии [Кузьмина 1981: 13], где для общей области «правил пользования всеми графическими средствами языка, как буквенными, так и небуквенными знаками» используется термин «письмо». В общезыковых, энциклопедических, лингвистических словарях статья **правописание** обычно содержит простую отсылку к статье **орфография**. Это приходит в противоречие с давней отечественной традицией. Уже в грамматике А.А. Барсова, созданной в 1780-е гг. (а изданной два века спустя), сказано: «Правописание есть наука о томъ, какими каждое слово должно писать буквами, какъ ихъ пристойно раздѣлять при раздѣленіи самаго слова на склады, и какъ употреблять разные раздѣлительные знаки или препинанія въ рѣчи» [Барсов 1981: 82]. То же самое мы видим в позднейших грамматиках [РГР

* Настоящая работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 07-06-00082-а, «Разработка баз данных по неологии Хлебникова».

1809: 1; Розанов 1810: 226]. В грамматике [Давыдов 1852: 384] читаем: «<...> Правописание разделяется: 1) на правописание словъ и 2) на правописание предложений и периодовъ, состоящее въ знакахъ препинанія». В многочисленных изданиях справочного руководства Я.К. Грота правописание объединяет орфографию и пунктуацию [Грот 1888]¹. Данной традиции следует и автор настоящей работы.

В старой отечественной текстологии издавна утвердилось мнение, согласно которому правописание поэтического текста, т.е. взятые совокупно его орфография и пунктуация, представляет собой нечто отдельное от языка в собственном смысле, на котором данный текст написан. Наиболее категорично это мнение выражено академиком Н.С. Державиным [1920: 15]: «<...> язык и орфография – две вещи разные. Живой язык писателя есть его язык, а орфография есть та условная, далеко не совершенная внешняя оболочка, в которую писатель втискивает поневоле свой язык <...>».

В дальнейшем развитии текстологии это мнение получило поддержку со стороны большинства исследователей – с отдельными оговорками о том, что некоторые элементы правописания могут быть значимы с точки зрения языка в собственном смысле, т.е. могут отражать те или иные существенные особенности этого языка. Предполагалось, что такие элементы должны быть отделены исследователем от незначимых элементов правописания; при этом при издании поэтического текста незначимые элементы первоисточника могут быть заменены какими-либо современными эквивалентами, а значимые должны быть сохранены. Тем самым на исследователя ложится нелегкая задача различения значимых и незначимых сторон письменной формы языка. Такая задача становится особенно сложной в тех случаях, когда язык произведения отделен от современной эпохи значительным временным интервалом.

В 80–90-е годы прошлого столетия начали раздаваться голоса в пользу смысловой нагруженности правописания [Лотман и др. 1981; Лотман 1995 (1987); Холшевников 1996; Лефельдт 1998]. Ю.М. Лотман писал о «стилистической роли орфографии в пушкинскую эпоху» и укорял тех литературоведов, которые «разделяют иллюзию о том, что орфография не имеет стилистического значения и художественно нейтральна» [Лотман 1995: 369–370]. Начиная с середины 1990-х годов убедительное обоснование значимости правописания в художественном тексте (в основном на примере произведений Пушкина) было дано в серии работ М.И. Шапира [Шапир 1994; 1999; 2001; 2002а; 2002б] (об общей текстологической программе М.И. Шапира, в которой в качестве «категорического императива» выступает сохранение в академических изданиях правописания оригинала, и об основных различиях между эдиционно-текстологическими концепциями Лотмана и Шапира см. [Пильщиков 2004: 326–328]).

Письменная и устная манифестации языка – это отдельные формы существования данного языка. Устная форма, разумеется, первична в историческом аспекте; существуют языки, вообще лишенные письменности; однако неверно было бы утверждение, что устный язык полностью предопределяет письменный и что последний лишен какой-либо самостоятельности и полностью «копирует» устный.

Эти формы существования языка соотносятся друг с другом весьма сложным, неоднозначным образом. В ряде случаев наблюдаются факты влияния письменного языка на его устную манифестацию. Письменный и устный языки представляют собой особые семиотические системы, которые, будучи, разумеется, неразрывно связаны друг с другом, обладают каждая своими индивидуальными особенностями. Ясно, что письменный язык отнюдь не однозначно кодирует устный.

Устная форма языка в аспекте интонации обладает широчайшими возможностями, которые в деталях передать на письме невозможно. Однако и на письме может быть

¹ В более ранней книге Я.К. Грот [1876: 92, 182] терминами «правописание» и «письмо» оперирует иногда как синонимами, причем без привлечения пунктуации.

передана такая информация, для которой трудно, если не невозможно, найти какие-либо эквиваленты в устной форме. Например, может ли быть однозначный устный эквивалент для перехода к следующему абзацу на письме или для строки-пробела в стихотворном тексте? Можно ли в устной речи непринужденно передать информацию об опущении фрагментов поэтического текста, которое отражается посредством номеров, не сопровождаемых никаким текстом, как в случае пропущенных строф в «Евгении Онегине»? Всевозможные средства графического выделения – курсив, подчеркивание, полужирный шрифт, разрядка – более явственно маркируют соответствующие фрагменты текста, чем его устная манифестация. В письменной форме языка может разрешаться неоднозначность фраз в устной речи; ср. пример «народной шутки» в [Ильинская 1966: 14] – *В деревне Волки все крыши из ели* – с ее каламбурным переосмыслением *В деревне волки все крыши изъели*, возможным только в устной речи.

О влиянии письма на устную форму языка писал еще Я.К. Грот [1876: 92]: «При распространении грамотности, письмо, и в живой речи и в мышлении, по необходимости вступает в связь с языком, частью по законам сопряжения родственных идей, частью в следствие множества случайных поводов отыскивать соотношение между тем и другим. Поэтому потребность, границы, преимущества, особенности обоих (т.е. письма и языка. – Н.П.) действуют друг на друга. Изменения в письме и ведут к изменениям в языке, и хотя собственно так пишут потому что так говорят, но часто бывает и наоборот, что так говорят потому что так пишут <...>» (подчеркнуто мною. – Н.П.). Активная роль письма подчеркивается Гротом и в другом месте (с. 182): «<...> цель письма – не одно воспроизведение звуков языка, но и удовлетворение постигающего языка ума посредством органа зрения. Грамота есть прежде всего орудие изучения самого языка». В качестве одного из примеров «обратного действия письма на живую речь» Грот приводит произношение грамотными людьми прилагательных *добрый, хороший, синий* «с ясным сохранением окончания **ый, ий**» [Грот 1876: 247 примеч. 1].

Известную автономность письменной формы языка, ее активную роль в истории языков, наличие в ней таких средств, для которых в устной форме не находится прямых коррелятов, лингвисты отмечали и после Грота [Гвоздев 1963: 27–28; Вахек 1967]. Об этом также свидетельствуют некоторые тенденции в русской поэзии XX века и в современной русской поэзии, где чисто графические средства иногда играют гораздо большую роль, чем ранее; можно вспомнить о фактах поэтического письма без знаков препинания, без прописных букв в начале стихотворных строк, с чередованием букв разного регистра, с разятием слов на части, иногда прерываемые, иногда подаваемые не в подбор, а в разных строках, и т.п. Об индивидуальных орфографии и пунктуации в поэтическом тексте писал В.П. Григорьев [1966; 1974], ссылаясь на поэтическую графико-орфографическую и пунктуационную практику у Блока, Хлебникова, Маяковского, Сельвинского, Багрицкого, Кирсанова, Я. Смелякова, Винокурова, Вознесенского (и у других поэтов, в том числе и менее известных: Н.С. Власова-Окского, С. Обрадовича, Б. Корнилова...). Современная поэтическая орфография обсуждается в краткой содержательной заметке Л.В. Зубовой, где говорится: «Орфография становится элементом поэтики не только в случаях многочисленных и разнообразных орфографических вольностей, но также и на сюжетном, на тематическом, на образном уровнях» [Зубова 2001: 51]. В недавней работе [Зубова 2006: 466 и сл.] демонстрируются графические эксперименты в современной поэзии по нестандартному членению слов, по размыванию их границ; такого рода тексты полноценно воспринимаются только зрительным образом.

В одной форме языка могут быть различия, отсутствующие в другой, что иллюстрируется известными феноменами омофонии и омографии (проявлениями общего свойства «асимметричного дуализма» языкового знака). Так, в русской орфографии различаются омофоны типа *плач ~ плачь, рож ~ рожь*, сливающиеся в одно звучание в устной форме; в устной же форме различаются звучания [тэс'т'ь] ~ [т'эс'т'ь], сливаю-

щиеся в графике в омографе [o] *тесте* (ТЕСТ / ТЕСТО), или пары акцентуационных омографов *му́ка* ~ *мука́*, *за́мок* ~ *замо́к*, *пи́ли* ~ *пили́* и т.п.

Омофония пронизывает французскую орфографию; еще Я.К. Грот [1876: 160–161] отмечал засилие омофонов во французских лексике и грамматике: «<...> въ слѣдствіе давнишнихъ усѣченій столько словъ различнаго смысла произносятся совершенно одинаково (напр. слова: cinq, saint, sain, ceint, seing) и многія грамматическія измѣненія означаются только на письмѣ (напр. ед. число il cherche, множ. ils cherchent ничѣмъ не различаются въ словарѣ), а притомъ слияніе конечной согласной одного слова съ начальной другого (il-z-aiment) утвердилось только въ слѣдствіе влиянія письма на живую рѣчь».

Элементы, реализующие те или иные морфологические единицы, в письменной и устной форме могут соотноситься весьма сложным образом – здесь соответствие отнюдь не взаимно-однозначное. Так, у исходных форм существительных на -й (*сарай*) и на -ь (*день*, *лень*) членение на основу и окончание может быть естественным образом проведено по-разному: как *сара* + *й*, *ден* + *ь*, *лен* + *ь* для письменного языка, но как /са-рај/ + 0, /д'ен'/ + 0, /л'ен'/ + 0 (в морфофонемной записи) для устного, т.е. в письменном языке имеет место окончание не нулевое, а в устном – нулевое².

Тем самым соотношения между звучанием и правописанием не являются чем-то внешним для языка. Правописание не есть чисто условная внешняя оболочка для устной формы языка. Омофония (типа упомянутых выше случаев), т.е. наличие разных графических выражений для одного и того же звучания, существенна для языка, особенно если учитывать его поэтическую функцию: очевидно, что омофоны создают благодатный фон для разного рода каламбуров. Как мы увидим ниже, омофония, в частности грамматическая, в дореформенной русской орфографии имела значительно больший вес, нежели в современной.

Ниже будет дан обзор некоторых особенностей дореформенной русской орфографии с точки зрения ее функциональной нагруженности; особое внимание будет уделено разительным случаям несоответствия между письмом и звучанием. После этого будут кратко изложены характерные черты пунктуации, отличающие русский письменный язык первой половины XIX века от современного. Именно на русском литературном языке, русском правописании, русских текстах и словарях этого периода и будет в основном сосредоточено внимание автора, и во избежание громоздкости изложения соответствующие язык, правописание, орфографию, пунктуацию, тексты, словари я позволю себе характеризовать посредством прилагательного «старинный»: «старинный (русский) язык», «старинная орфография» и т.п.

Начнем мы – в пункте 1 с его подпунктами – с тех особенностей, которые представляются современному лингвистическому сознанию чистыми условностями в старинной орфографии, внешне имеющими малую опору в устной речи или в языковом сознании носителей языка; в последующих же пунктах рассмотрим более содержательные в функциональном отношении случаи.

1. ВНЕШНЕ «ТЕХНИЧЕСКИЕ» ОСОБЕННОСТИ СТАРИННОЙ ОРФОГРАФИИ

1а. Буквы, отсутствующие в современном алфавите: ѣ (ять), і (десятеричное), ѳ (фита), ѵ (ижица).

Буква *ѣ*, замененная в 1918 г. на *е*, является наиболее функциональной среди утраченных букв; поэтому ей посвящены ниже три пункта: 2–4.

Буква *і*, имевшая звуковое значение буквы *и* и замененная на нее, употреблялась перед гласными (*сіяніе*, *сіи*, *пріятель*, *Іаковъ*, *Россія*, но не в конце первой части слож-

² Именно вследствие такого расхождения между устным и письменным языком в «Грамматическом словаре» А.А. Зализняка [1977: 28] вводится особое понятие «графическая основа» – для отражения того факта, что в графике основа может непрямо соотноситься с основой в устном языке.

ного слова типа *пяти-аршинный* / *пятиаршинный* и не в слове *ниоткуда*) или перед *й* (*великій, геній*), а также в слове *міръ* 'вселенная' и его производных (*мірскій, мірянинъ, всемірный* и др.). А.Х. Востоков [1831: 353] указывает, что «въ Церковныхъ книгахъ» *і* употреблялась перед согласными и в некоторых заимствованных из греческого словах: *Нікифоръ, Онисіѣмъ, Ікона, Фінікъ*. По-разному освещается в русских грамматиках написание приставки *при-* перед гласной: в ранних грамматиках [Соколов 1792: 9; РГРА 1809: 14; Розанов 1810: 232; Орнатовский 1810: 292] предписывается оставлять здесь *и* восьмеричное; И.И. Давыдов [1852: 388] указывает на вариантность написания *при-* и *при-* («Въ словахъ, сложныхъ изъ предлога *при*, можно писать и букву *и*, н. п. *приумножить, приучить*»); Я.К. Грот [1888: 60] довольно неожиданно требует здесь *і* десятичного (*приостановить, приучить, приамурскій*). О букве *і* как графическом средстве разрешения лексической неоднозначности см. ниже в п. 5.

Буква *ѳ*, имевшая звуковое значение буквы *ф* (ферт) и замененная на нее, употреблялась в заимствованных словах на месте греческой буквы *θ* (тета) или буквосочетания *th* в латинском или других европейских языках³: *ѳеза, диѳирамбъ, риѳма, ѳэиръ, ѳеофанъ, Аѳанасій, ѳедотъ, Тимоѳей, ѳаддей*. Н.И. Греч [1827а: 557] отмечает вариантность некоторых написаний: *теорія/ѳеорія, теологія/ѳеологія*; он также указывает на графическое средство разрешения лексической неоднозначности в одном случае: «Некоторые слова употребляются двояко; напри^{мѣ}ръ: *ѳеатръ*, означая вообще мѣсто дѣйствія, позорище, ѳеатръ свѣта, и *театръ*, мѣсто представленія <...>» [Греч 1827а: 557–558]. А.Х. Востоков [1831: 354] приводит «роспись» 26-ти случаев употребления фиты в «реченіяхъ церковныхъ и до наукъ относящихся» (с четырьмя случаями вариантных написаний с фитой или фертом).

Буква *ѵ* употреблялась «только въ словахъ, съ Греческаго заимствованныхъ, и въ собственныхъ именахъ Библейскихъ» и имела «двойное произношеніе: 1. Какъ гласная *и* или *і*, напр. *міро, Сѵнодъ*. 2. Какъ согласная *в*, напр. *Евангеліе, Исѵвъ*» [Востоков 1831: 353]. Надо сказать, что ижица в косвенно-падежных формах лексемы *міро* отличала последние от аналогичных форм лексем *миръ* и *міръ*.

Фита и ижица были изгоями в русской орфографии уже с конца XVIII века и часто заменялись на соответствующие буквы. Уже Г.П. Павский [1850а: 48] восклицал: «Пора бы намъ освободить себя от ѳиты и ижицы». De facto русское правописание практически освободилось от ижицы уже с середины XIX века; «освобождение» же от фиты было кодифицировано в реформе 1918 г.

1b. Конечный ѣ (ер).

Гонения на букву *ѣ* в конце слова после согласных в русской культуре начались еще во второй половине XVIII века; они продолжались и в последующее время весь XIX век и далее. Некоторые издания выходили без конечного ера, некоторые писатели принципиально писали и публиковали свои сочинения без него; накал страстей в связи с этой злосчастной буквой был подчас огромен. В русском обществе находились и рьяные защитники конечного ера, ссылавшиеся на его культурную ценность и приводившие некоторые аргументы в пользу его орфографической значимости, о чем, например, свидетельствует «Новая тяжба о буквѣ ѣ» в «Литературной Газете» в 1830 г., републикованная и прокомментированная в [Перцов 2002]⁴. Принципиальный сторонник отмены конечного ера Я.К. Грот в середине 1870-х гг. сокрушенно замечал: «<...> минута отмѣны ера повидимому еще не настала. Есть однакожъ поводъ думать, что учащееся нынѣ поколеніе наконецъ освободитъ наши исходныя согласныя отъ ихъ неотвязчиваго спутника» [Грот 1876: 318]; этого пришлось ждать еще более

³ А буква *ѳ* в заимствованных словах соответствовала греческой *φ* (фи) или *f* или *ph* в латыни и других европейских языках.

⁴ В связи с тогдашним восприятием ера и других «полугласных» любопытно следующее замечание в [Греч 1827а: 4]: «Въ полугласныхъ буквахъ должно замѣтить, что ѣ есть половина гласной *о*, а ѣ или *й* половина гласной *и*».

сорока лет. В течение полутора веков после начала гонений конечный ер удерживался в русском правописании, составляя непрременную, для многих докучливую, принадлежность русского текста. Следует заметить, что в написаниях слов, кончавшихся на шипящий звук, абсолютного единства не было: в узусе существовала вариантность написаний с ером и с ерем: *врачь ~ врачъ, ужъ ~ ужь* и т.п., хотя написания с конечным ерем после шипящих русскими грамматиками запрещались, кроме случаев прямопадежных форм⁵ существительных женского рода *ночь, дочь, рожь* и т.п., где всегда был ь, как и сейчас (но в род. пад. мн. ч. предписывалось писать ер: *тысячъ, тучъ, училищъ*) [Греч 1827а: 461, 528].

Еще одно замечание: ер мог употребляться в середине словоформы перед гласными не только в случае их «йотированности» (*въездъ, подъемный, объявление*), но и перед «нейотированными» гласными в двух случаях: после приставки на согласную – как в словах *предыдущий, сызнова, сужение* (с бытовавшими в узусе вариантами *предыдущий, сызнова⁶, сужение*) и в сложных словах после форм «малых» числительных на -х – типа *трехъ-аршинный, четырехъ-этажный* [Востоков 1831: 370; Давыдов 1852: 409].

1с. Адъективные окончания -аго/-яго.

Адъективные окончания ед. числа мужского и среднего рода писались с буквами *а* или *я*: -аго/-яго (*новаго, первого, онаго, синяго, большаго, крутаго*) в явном противоречии с произношением соответствующего слога в случае его ударности как [о]. Любопытно, впрочем, свидетельство в [Греч 1827а: 464] об отступлениях от «общеупотребительнаго произношения Русскаго языка»: «<...> книги же Церковно-Славянскія читаются такъ, какъ пишутся; напримѣръ, словъ: *единаго, моего, Петръ*, не выговариваютъ: *единава, моево, Пётръ*». Примечательно также отнесение А.Х. Востоковым (впрочем, явно излишне категоричное) естественного произношения указанных окончаний именно к разговорному языку: «<...> слышное в томъ же разговорномъ Русскомъ языкѣ особое окончаніе прилагательныхъ и мѣстоименій въ родительномъ падежѣ числа единственнаго мужескаго и средняго рода на -*ова*, вмѣсто -*аго*, *во* вмѣсто -*го*; напр. *добрава, худова* (вм. *добраго, худаго*), *ево, таво* (вм. *его, того*)» [Востоков 1831: 359]. На основе этих указаний Греча и Востокова можно предположить, что в высоком стиле речи, в поэтической декламации было вполне допустимо (и даже естественно) «побуквенное» произношение данных окончаний.

Для местоименных адъективов делалось исключение: тогдашние словоформы *все-го, того, этого, сего, моего, самого, одного, какого, такого* и некоторые другие совпадают с современными (хотя здесь и были в некоторых случаях колебания). Местоимения *самъ* и *самый* имели разные окончания: первое -*ого*, второе – -аго [Павский 1850б: 290]; тем самым, в данном случае мы имеем дело с частным случаем слияния в одном современном написании *самого* двух разных в старой орфографии – *самого* и *самаго*, в произношении акцентно различавшихся (т.е. современное написание *самого* соответствует двум акцентным омоформам, которые раньше орфографически различались).

1d. Написания с приставками, оканчивающимися на буквы з или с.

Разнобой, царивший в написаниях этих приставок, превосходил, пожалуй, обычный уровень разнобоя в старинной орфографии.

⁵ Прямопадежными формами (как для субстантивов, так и для адъективов) здесь и далее мы будем именовать формы именительного падежа и формы винительного, совпадающие с именительным.

⁶ Такого рода написания с *ы* вызвали нарекания со стороны Г.П. Павского [1850а: 118]: «Отъ сліянія *ъ* съ *и* происходитъ здѣсь звукъ, подобный буквѣ *ы*. Напр. слова: *сыщу, сызнова, изъ игры* и т.п. выговариваютъ так, какъ будто бы написано было: *сыщу, сызнова, изыгры*. Многіе и пишутъ: *сыщу, сызнова, розыск, обыск*, но такой образъ писанія не лзя называть правописаніемъ».

Правило относительно таких приставок, намеченное в не опубликованной в свое время грамматике А.А. Барсова [1981: 83], приближается к нашей орфографической современности: оно предписывает написания с с перед глухими. Барсов, правда, перечисляет не все приставки, но включает в свой список приставку *без-*, которая в последующих грамматиках оставляется в неизменном написании. В примечании Барсов сокрушенно замечает: «Однакожь во многихъ словахъ, хотя безъ дальней нужды, отступаютъ иногда отъ сего правила напр. *разсѣяваю, разсматриваю, разсуждаю*, и другихъ имъ подобныхъ, тако жъ въ происходящихъ отъ нихъ на пр: *разсужденіе*, и проч.».

Правило в грамматике П.И. Соколова для некоторых приставок на з настолько близко к правилу Барсова, что возникает естественное предположение о знакомстве Соколова с рукописью его грамматики: «Предлоги *вз. воз. из. раз.* по снисхожденію къ древнему ихъ такому употребленію, въ сложеніи речей предъ твердыми (т.е. глухими. – Н.П.) буквами, т.е. предъ *п. к. т. ф. х. ц. ч. ш. щ.* писма з. какъ въ выговорѣ, так и въ писмѣ на с перемѣняютъ, напр: *Вскрикиваю, истекаю, восхожу, располагаю*, и пр. <...>» [Соколов 1792: 15]. В грамматике же Ф.Ф. Розанова [1810: 245] предписывается четкий морфологический принцип написания приставок на з («по словопроизвожденію»): «Предлоги слитные или нераздѣльные вообще надлежитъ писать такъ, какъ они есть, дабы ясно видѣть можно было происхожденіе тѣхъ словъ, съ которыми они слагаются», после чего Розанов приводит примеры правильных с его точки зрения написаний: «*возхожу и возшествіе, изхожу и изходъ, низпосылать, разтопить, разцѣлствъ* и пр.». Н.И. Греч [1827а: 532] написания приставок (1) *воз-/вос-, из-/ис-, низ-/нис-, раз-/рас-* дал по Барсову – Соколову (второй вариант *послѣ* глухи, *первый* в прочих случаях) и указал на неизменное написание приставки с-, что совпадает с нашей орфографической современностью; неизменное же написание у Греча приставок (2) *без и чрез (безподобно, чрезчуръ)* расходится с нею. Однако эти правила в отношении приставок типа (1) не отвечали текстовой реальности того времени, для которой написания типа *возпользоваться, изключеніе, разстояние, разсматривать, изцѣлить* и т.п. – с з приставки перед глухой согласной – были вполне обычны. Г.П. Павский [1850а: 114] выступал против написаний типа *изчерпать, изцарапать, разщипать, изсохнуть, разширить*, ратуя за унификацию написаний приставок с буквой с перед всеми глухими и справедливо замечая, что «на этотъ случай правописатели еще не твердо установили свои правила, и во многомъ дѣйствуютъ произвольно». Предложение Павского не было поддержано в грамматике И.И. Давыдова [1852: 397], отличие правил которого от правил Греча состоит в том, что приставки типа (1) пишутся с с только перед *к, н, т* и *х*, а перед шипящими и *ц* «з удерживается, н. п. пишется: *изцѣлить, возчувствовать, разширить, разщепить*»; спустя шесть лет это было повторено Ф.И. Буслаевым [1858: 53].

1е. Ударные окончания существительных и ударный суффикс прилагательных с буквой е после шипящего или ц в конце основы: *плече, лучемъ, мечемъ, лице, лицом, отцев.*

Хотя произносились такие окончания и суффикс в разговорном языке, как правило, с ударным [о], бытовало (особенно в XVIII и первой половине XIX в.) написание с е; ср. правило Н.И. Греча [1827а: 58], касающееся изменений букв при склонении: «<буква> *о*, после *ж, ч, ш, щ, ц*, превращ. въ *е*», – после чего в Прим. 16 указывается и другой вариант написаний: «<...> въ окончательныхъ слогахъ, имѣющихъ надъ собою удареніе, позволяется иногда ставить букву *о* послѣ согласныхъ шипящихъ и язычной, напримѣръ: *плече, лицом*; хотя, по общимъ законамъ, приличнѣе было бы в семъ случаѣ употреблять *е*»⁷. У А.Х. Востокова [1831: 359] среди «звукоизмѣненій,

⁷ В другой своей грамматике 1827 г. Греч указывает – среди парадигм прилагательных – написание *е* в суффиксе прилагательного: *отцевъ домъ* [Греч 1827б: 207]. У Г.П. Павского [1850б: 141] также дается для прилагательного написание *отцевъ*.

принятыхъ въ правописаніи», отмечается «<п>еремѣна е съ удареніемъ на о, послѣ ж, ц, ч, ш, щ, особливо в окончаніи словъ; напр. *лицѡ* (вм. *лицѣ*), *плечѡ* (вм. *плечѣ*), *свѣждѡ* (вм. *свѣжѣ*)»; Востоков здесь в скобках указывает написание, а вне скобок – произношение. Ср. также у И.И. Давыдова [1852: 163]: «Если у именъ (среднего рода. – Н.П.), кончащихся на ж, ч, ш, щ и ц, удареніе на послѣднемъ слогѣ, то гласная е выговаривается какъ о, и имя склоняется *правильно* по 1-му образцу (как слово *число*. – Н.П.): *лице* – *лицѡ* и т. д.» (см. также [Там же: 400]).

1f. Разнообразные вариантные написания: *дельфинъ* ~ *делфинъ*, *вулканъ* ~ *волканъ*, *арестъ* ~ *аррестъ*, *если* ~ *естли*, *аллея* ~ *алея*, *кристалль* ~ *кристалъ*, *счастье* ~ *щастье*, *мужчина* ~ *мущина*, *тьма* ~ *тма* и др.

Такого рода вариантные написания (архаические, близкие к современным или совпадающие с современными) неисчислимы; они в изобилии встречаются в старинных текстах и словарях; употребление того или иного варианта иногда может служить отличительным признаком текста, привязывать его к определенной эпохе или к определенному литературному направлению (к чему мы еще вернемся в конце статьи). Одни лексические варианты такого рода (как *дельфинъ* ~ *делфинъ*) различались не только орфографически, но и орфоэпически, другие (как *счастье* ~ *щастье*) – только орфографически.

Ценнейшим источником орфографических вариантов для заимствованных слов является словарь Н. Яновского [1803–1806] (см. примеры оттуда в [Перцов 2006: 51]); примеры написаний иноязычных слов, с их вариантами, приведены у Н.И. Греча [1827а: 550–553].

2. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОМОФОНΙΑ, СВЯЗАННАЯ С БУКВОЙ Ѣ

В русских грамматиках XVIII и XIX вв. нередко утверждалось звуковое тождество букв е и Ѣ⁸.

В «Российской грамматике» М.В. Ломоносова между ними еще усматривается фонетическое различие – но не для всех носителей языка; при этом отмечается, что эти буквы «въ просторѣчїи едва имѣють чувствительную разность, которую въ чтенїи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ <...> въ Е дебелости, въ Ѣ тонкости» [Ломоносов 1755: 49]; далее Ломоносов указывает (с. 54) на важную различительную функцию ятя – на «различеніе реченїй разнаго знаменованїа, а сходнаго произношенїа, напр. *лечу*, *летѣть*, отъ *лѣчу*, *лѣчить*; *пеню*, имя въ винительномъ отъ *пѣню*, *пѣнишь*; *пенье*, *пеньевъ*, отъ *пѣнье*, *пѣнья*; *плень*, родительный множественный отъ именительнаго *плень*, отъ *плѣнь*, то есть *полонъ*, которыя всѣ и другїя многія сими двумя буквами различаются». Через 12 лет после первого издания грамматики Ломоносова (реально вышла в свет в 1757 г.) ему вторит в своем популярном учебнике теми же словами Н.Г. Курганов [1769: 96], добавляя при этом, что отмеченные пары слов «различаются какъ въ писмахъ такъ и въ произношенїи, а особливо у малороссовъ, кои хотя въ томъ и великіе знатоки однако оную букву Ѣ гораздо мягче надлежащаго произносятъ превращая ея въ ЁЕ, и въ И, какъ мѣсто или мисто за мѣсто». В 1780-х гг. те же примеры Ломоносова повторяет А.А. Барсов [1981: 47]: «<...> въ растворенномъ произношенїи, т.е. послѣ согласныхъ сїи буквы одна отъ другой различествуютъ, особливо въ порядочномъ чтенїи, а у Малороссїанъ и въ просторѣчїи, такъ что написанныя сими буквами, сходныя впрочемъ слова, не для глазъ только различаются, но и для слуха выговариваются разнѡ, на пр. *пѣню* и *пѣню*, *пѣнье* и *пѣнье*, *плень* и *плѣнь*, и проч.».

⁸ На самом деле, более точно здесь было бы говорить о вложении набора звучаний, передававшихся буквой Ѣ, в набор звучаний, передававшихся буквой е, поскольку у последней в некоторых случаях было звучание, которое Ѣ ни при каких условиях передавать не могла, – а именно, [jo] в таких словоформах, как *елка*, *прїемъ* / *прїемъ*, *даемъ*, *бьетъ* и т.п.

Однако уже в грамматике [Соколов 1792: 10] уверенно утверждается: «Буквы Е и Ъ не произношеніемъ, но употребленіемъ въ письмѣ между собой различаются».

Вышедшая спустя 16 лет петербургская грамматика И.М. Борна возвращает нас в отношении ятя к Ломоносову, Курганову и Барсову: «Буква ѣ въ началѣ слова произносится как е (je), а послѣ согласныхъ тонѣе, какъ-бы нѣм. *ee*, на примѣръ: мѣра (*Meera*), вѣра (*Weera*), и пр. Малороссіянежъ произносятъ сію букву почти какъ *и* (*ie*)» [Борн 1808: 7]. Вслед за Борном различие в звучании букв е и ѣ усматривается в двух грамматиках 1810 г.: [Розанов 1810: 234] («Въ срединѣ словъ, гдѣ писать ѣ и гдѣ Е, нѣкоторымъ образомъ узнавать можно по выговору: ибо ѣ произносится как ъе, а у Малороссіянь какъ *и*, напр. *дѣло*, *бѣлый*; – букважъ е выговаривается дебело или туго, какъ на пр. *сердце*»); [Орнатовский 1810: 290–291] («<...> Е должно писать тогда, когда слогъ, имѣющій сей звукъ, въ правильномъ употребленіи произносится съ большимъ отверстіемъ рта, а ѣ, когда съ меньшимъ, на пр. въ семъ, сѣмъ, пеня, пѣна, и прч.»). Однако в последующее 50-летие в грамматиках Н.И. Греча [1827а: 458]⁹, А.Х. Востокова [1831: 346], Г.П. Павского [1850а: 133], И.И. Давыдова [1852: 390], Ф.И. Буслаева [1858: 28, 30] говорится о практическом фонетическом тождестве е и ѣ – иногда с некоторыми оговорками (относящимися к глубокой старине и к произношению в Малороссии и в некоторых великорусских областях).

Я.К. Грот, безоговорочно отмечая звуковое тождество этих букв («<...> у насъ ѣ издавна не что иное какъ графическій знакъ, буква, представляющая тотъ же звукъ, для изображенія котораго служитъ Е <...>» [Грот 1876: 305]), подчеркивает – вслед за Ломоносовым – важную различительную роль ятя и в корнях слов, и в грамматике: корни *вѣд* в *вѣдать*, *свѣдѣніе*, *вѣсть* vs. *вед* в *веду*, *сведеніе*, *весть*; *мѣт* в *мѣтить* vs. *мет* в *метать*; окончание прилагательных средн. рода ед. ч. *-ее* в *искреннее* vs. сравнит. степени *-ѣе* в *искреннѣе* (с. 375–376); «Е служить для прямой формы единств. числа (*море*, *здоровье*, *доброе*) именъ ср. рода; ѣ для косвенныхъ падежей един. числа (*водѣ*, *въ морѣ*) <...>» (с. 377). Приведя все эти данные, Грот решительно защищает ять от изгнания из русской орфографии: «<...> ѣ имѣетъ въ языкѣ не только историческое значеніе, но и свой смыслъ, свою разумную цѣль» (с. 377).

Перенесемся в науку века XX-го. Крайне любопытным выглядит указание Р.И. Аванесова [1984: 23]: «Устной форме книжного литературного было присуще различение под ударением этимологических е (из е и ъ) и ѣ; в другом месте он говорит о фонетическом различии конечных гласных в случаях типа *поле* ~ *полѣ*, о чем см. в следующем пункте 3 настоящей работы.

Некоторой непоследовательностью отличается трактовка звучания ятя в первой половине XIX века у М.В. Панова: с одной стороны, он призывает [Панов 2002: 193] «верить Буслаеву», утверждавшему, что «уква ѣ для насъ то же, что е» [Буслаев 1858: 28]; с другой стороны, сразу после этого призывает он несколько неопределенно говорить о «рубеже, за которым (перед которым) ѣ вел свою особую, отдельную от е жизнь», ссылаясь на свидетельство С.П. Шевырева 1840 г. об «особенной мягкости в звуке ѣ <...> во втором слоге местоимения *тебѣ*, как его простой народ произносит»; в другом же месте (с. 240) Панов, основываясь на показаниях рифмовки, предполагает *и*-образный конечный гласный в написаниях с предложно-падежными формами типа [*в*] *сраженьѣ*, *полѣ*, *долѣ*, *влеченьѣ*, *сомненьѣ* – в отличие от соответствующих прямopaдежных форм с конечной буквой е.

⁹ У Н.И. Греча прямого указания о звуковом соотношении е и ѣ нет, однако из его отдельного описания их произношения в § 476 (с. 458) вытекает их звуковое тождество. Правда, в другом месте своей грамматики (с. 77) автор, возражая гонителям ятя, бросает – к сожалению, мимоходом и без языковых иллюстраций – следующие важные замечания: «<...> во-первыхъ, *есть случаи, въ коихъ ѣ произносится инаково* (подчеркнуто мною. – Н.П.); во-вторыхъ, составленіе и происхожденіе оной совершенно иное; а въ-третьихъ, въ Этимологіи <≈ в морфологіи> сіи двѣ буквы имѣютъ совершенно разное свойство».

Приведенные выше разноречивые высказывания относительно звукового соотношения букв *е* и *ѣ* позволяют поставить под сомнение безоговорочное звуковое тождество этих букв во всех позициях и во всех стилях речи. Эта проблема нуждается в дальнейшем исследовании.

Возможно, в русском образованном обществе в конце XVIII и первые десятилетия XIX в. были носители литературного языка, в речи которых звучания букв *е* и *ѣ* различались. Нельзя исключить, что у иных эти звучания были одинаковы в обычной, но различались в высокой речи, в поэтической декламации («<...> как раз в первой половине XIX века мы должны различать два типа произношения: произношения разговорного и поэтического языков» [Лефельдт 1998: 167]). Да и для обычной речи тоже можно предположить влияние разных диалектов, например диалектов местностей, где находились поместья тех или иных писателей, где они выросли etc. Одни диалекты еще различали *е* и *ѣ*, другие уже не различали.

Если это так, то относительно таких идиолектов графическое различие *е* и *ѣ* было наполнено фонетическим содержанием.

Если все же исходить из звукового тождества этих двух букв, тогда в ряде случаев различаемые только ими единицы могли давать омофонию, чуждую современному языку: в старинном языке имелись такие графически разные лексические единицы, которые в современном являются либо лексическими омонимами, либо омоформами.

Итак, такие начертания, как *лечу*, *пеню*, в современном языке являются омоформами, а такие, как *сведение*, являют собой лексические омонимы, причем те и другие различаются в письменной речи только в контексте; в старинном же языке *лечу* и *лѣчу*, *пеню* и *пѣню* составляли формы-омофоны, *сведение* и *свѣдѣніе* – лексические омофоны, опознание которых в письменной речи от контекста не зависело. Употребление ятя в составе корней и словообразовательных аффиксов ярко демонстрирует традиционный принцип орфографии, культурную память языка, о чем четко сказано у Я.К. Грота [1888: 65]: «<...> въ русскомъ языкѣ употребленіе буквы ѣ в корняхъ словъ и въ образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ именъ есть дѣло преданія и обычая, въ которомъ выражается уваженіе къ историческому началу <...>».

3. ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОМОФОНΙΑ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СРЕДН. РОДА ТИПА *ПОЛЕ* ~ *ПОЛѢ*

У существительных среднего рода типа *поле*, *море* в ед. числе прямопадежные формы были противопоставлены формам предложного падежа – в первом случае окончание *-е*, во втором – *-ѣ*; ср. из «Евгения Онегина»¹⁰: «На третій, роща, холмъ и поле / Его не занимали болѣ» (ЕО-1-54); «Татьяна бѣдная не спитъ / И въ поле темное глядитъ» (ЕО-6-2) ~ «И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ, / В мечтанье погружаясь, она» (ЕО-6-42). Обязательное единообразие звучания последнего гласного в этих словоформах может быть поставлено под сомнение – ср. утверждение в [Аванесов 1984: 21] о фонетическом различии «им. и местн. падежей ед. ч. в случаях типа *поле*, *море*» в «разговорном языке Москвы», подкрепляемое тем, что «об этом свидетельствуют встречающиеся написания *поля* и *в поли* <...>»¹¹.

¹⁰ Цитаты из «Евгения Онегина», приводимые по последнему прижизненному изданию 1837 г., сопровождаются аббревиатурой ЕО и через дефис двумя числами: номерами главы и строфы.

¹¹ То же, думается, имеет в виду Р.О. Якобсон [Якобсон 1985: 191], когда говорит о том, что, «согласно традиционному московскому произношению», в позиции после мягких согласных безударные гласные окончания, являющиеся «альтернантами ударных /о/ и /а/, произносятся как /а/». По свидетельству Е.В. Падучевой, в частном разговоре «Якобсон сказал, что им. падеж слова *море* отличался по звучанию от предложного». Это различие коренной москвич Якобсон, родившийся в конце XIX века, в детстве и юности мог слышать в речи стариков – современников Пушкина.

Однако если, как и в предшествующем пункте, принять звуковое тождество подобных форм, тогда в данной области старинной орфографии мы наблюдаем противопоставление, похожее в определенном смысле на противопоставление *плач ~ плачь*; разница состоит лишь в том, что омофоны в первом случае относятся к словоизменению, а в последнем – к разным родственным лексемам ПЛАЧ и ПЛАКАТЬ. Тем не менее графическая оппозиция типа *поле ~ полѣ* – несомненный факт старинного русского письменного языка. Она может на письме снимать омофоническую неоднозначность, что иллюстрируется выразительным примером из [Зарецкий 2000: 50]: «В стихотворении «Земля и море» Пушкин говорит о рыбаке: *Живет на утлом он челне, // Игралище слепой пучины*. При замене буквы «ять» на «е» возникает неоднозначность: неясно, рыбак игралище пучины или его челн». Добавлю, что, судя по прижизненной публикации стихотворения [Пушкин 1829: 129–130] и по беловому автографу с поправками, где мы видим в конце словоформы *Игралище* четкое *е*, а не *ѣ* [ПД: ед. хр. 833, л. 2], автор стихотворения называл *игралищем пучины* именно рыбака. Мне думается, это расходится с восприятием этих двух строк у многих современных читателей, которые со словоформой *Игралище* ошибочно свяжут аппозитивной синтаксической связью скорее контактную (хотя и отделенную строковой границей) словоформу *челне*, нежели дистантную *он*; однако на этот счет никаких «орфографических разъяснений» (которых, по словам В.П. Григорьева [1966: 127], требуют «многие тексты крупнейших писателей и поэтов прошлого») мы в академических изданиях Пушкина не найдем¹².

4. ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОМОФОНΙΑ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ: ПРЯМОПАДЕЖНАЯ ФОРМА СРЕДН. РОДА ~ СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ (ИСКРЕННЕЕ ~ ИСКРЕННѢ)

Так же одной буквой – на сей раз предпоследней в словоформе – различались одинаково звучащие формы некоторых прилагательных на *-ий*: прямопадежная форма средн. рода ед. числа и форма сравнительной степени. В качестве примеров таких «смешений» Я.К. Грот [1876: 376] дает такие пары: «*искреннее* и *искреннѣе*, *свѣжее* и *свѣжѣе*, *синее* и *синѣе* <...>»; однако строго говоря, только первая из них являет собой чистый случай омофонии: в ней обе графически различные словоформы произносятся одинаково, тогда как в двух других парах словоформы различались и графически, и произносительно (акцентуационно): в первой ударение на первом слоге, во второй на втором. В современном языке указанное произносительное различие сохранилось, а графическое исчезло.

5. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОМОФОНΙΑ МИРЪ ~ МІРЬ

Еще более ярким примером служит сравнение современного начертания *мир*, объединяющего два лексических омонима, и двух лексем-омофонов *миръ* ‘рах’ и *миръ* ‘mundus’ в старинном письменном языке: в последнем случае начертание непосредственно указывает на лексическую единицу, что может быть существенно в тех случаях, когда контекст допускает оба осмысления (А.Х. Востоков [1831: 353] обращает внимание на различительную функцию *і* в слове *міръ*, «означающемъ вселенную <...> для отличія от слова *миръ*, означающего спокойствіе, примиреніе»). В следующих двух цитатах из Пушкина – «Простите, верные дубравы! / Прости, беспечный мир полей <...>»; «<...> Когда ж восстанет / С одра покоя звон мечей, / И брани громкий вызов грянет, / Тогда покину мир полей <...>» – словосочетание «мир полей» в принципе

¹² В дополнение к пункту, касающемуся грамматической омофонии субстантивов в старинной орфографии, утраченной в современной, следует также отметить различие творительного и предложного падежа местоимения *что*; ср. примеры Греча [1827а: 522]: «<...> *надъ чѣмъ*, *на чемъ*; *съ чѣмъ*, *въ чемъ*; *между чѣмъ*, *при чемъ* и т.д.».

допускает альтернативное осмысление – в старинной же орфографии здесь все сразу было бы ясно.

В элегии Боратынского «О счастья съ младенчества тоскуя...» существительное в 39-м стихе выглядит по-разному в изданиях 1823/1824 и 1835 годов, с одной стороны, и 1827 года, с другой: в первых двух – «Твой миръ, увь! Могилы миръ печальный,» («Полярная Звезда на 1824 год», под заглавием «Истинна. Ода») / «Твой миръ, увь! могилы миръ печальный,» (сборник 1835 г.); в сборнике 1827 г. (под заглавием «Истина») – «Твой мѣръ, увь! могилы мѣръ печальный,». Первый вариант строки наличествует в перепечатке 1834 г., а второй – 1830 г.; при этом в двух сборниках стихов разных поэтов 1843 г. омофон в этой строке имеет разное написание (т.е. при жизни Боратынского эта строка 4 раза появлялась с начертанием «миръ» и 3 раза – с начертанием «мѣръ») – см. [Боратынский 2002: 59–60]. Из всего контекста стихотворения становится ясно, что здесь имеется в виду покой ('рах'): этот стих входит в монолог лирического героя, обращенный к явившейся перед ним Истине, которая перед этим так завершает свой монолог: «Я оболую суровымъ хладомъ душу, / Но дамъ душѣ покой.». Однако отнюдь не все читатели этого стихотворения, данного в современной орфографии, или его слушатели поймут эту строку в нужном смысле. (Кстати, совсем не очевидна квалификация вида этой строки в сборнике 1827 г. как «опечатки» [Боратынский 2002: 60]: может быть, в 1827 г. поэт или его редакторы предложили другое осмысление строки, а позднее Боратынский вернулся к первоначальному.)¹³

Возьмем примеры из более позднего времени. Если перевести в современную орфографию следующую цитату из Хлебникова (из письма Вяч. Иванову от 31 марта 1908 г.; Рукописный отдел Российской государственной библиотеки, ф. 109, картон 36, ед. хр. 9, л. 3; опубликовано в аутентичном виде и прокомментировано в статье [Перцова 2007: 130, 148–149]):

И я, знаюнъ ихъ умныхъ силъ,
Брожу, вожу въ нѣмобы виръ
И мѣръ постигъ и мѣръ настигъ
И онъ почилъ и онъ избылъ.

осмысление начертания *мир* как вселенной, а не покоя было бы отнюдь не тривиально¹⁴.

Интересный пример из стихотворения Саша Черного «Новая цифра» (1909) приводит В.П. Григорьев [1966: 125], цитируя его в новой орфографии: «Братъ! Сразу и навеки / Перестроим этот мир. / Братъ! Верно, как в аптеке: / Лишь любовь дарует мир»; в старой орфографии приведенный отрывок выглядел так: «Братъ! Сразу и навѣки / Перестроимъ этот мѣръ. / Братъ! Вѣрно, какъ въ аптекъ: / Лишь любовь даруетъ мѣръ». Григорьев пишет (с. 126): «<...> орфографическая рифма (*мѣръ* ~ *миръ*, т.е. рифма-омофон. – Н.П.) превратилась в чистую рифму-омоним (*мир* ~ *мир*. – Н.П.)».

6. ОППОЗИЦИЯ ПРЯМОПАДЕЖНЫХ АДЪЕКТИВНЫХ ФОРМ НА -ЬЕ/-ІЕ ~ -ЬЯ/-ІЯ

Сложный случай в старой русской орфографии представляет собой оппозиция прямопадажных адъективных форм множ. числа мужского рода, с одной стороны, и женского и среднего, с другой: первые имели флексии *-ьѣ/-іѣ*, а вторые – *-ья/-ія*; ср. словосочетания из первой главы «Евгения Онегина»: *двойные фонари ~ разные забавы, острые слова*. По поводу старинного произношения этих форм в первой половине

¹³ Внимание автора к данному эдиционно-текстологическому казусу у Боратынского привлёк И.А. Пильщиков.

¹⁴ По поводу неологизма *нѣмоба* в этом Хлебниковском отрывке замечу, что он легко складывается на составляющие его морфы только при записи в дореформенной орфографии: *нѣмоба* = *нѣм* + *об* + *а*.

XIX века свидетельств автору найти не удалось. В более позднее время Я.К. Грот [Грот 1876: 35–36] фонетического различия между ними не усматривал: «<...> въ окончанияхъ именительнаго падежа множ. числа прилагательныхъ, слухъ не указываетъ, должно ли писать Е или Я, или же И, къ которому такъ близко Е, напр.: *вѣрные, вѣрныя* или *вѣрныи; дорогіе, дорогія* или *дорогии*. Объ этомъ долго спорили, пока наконецъ для решенія вопроса принято было произвольное правило, основанное на различіи родов прилагательнаго имени».

Однако относительно более раннего времени могут быть высказаны определенные сомнения по поводу безусловной омофоничности этих форм – по крайней мере, в высокой устной поэтической речи, в декламации¹⁵. У Н.И. Греча мы встречаем следующее свидетельство: «Въ окончаніи словъ буква *я* удерживаетъ настоящее свое произношеніе; напримеръ: *дядя, Россія, линія, время, имя*» [Греч 1827а: 456]. Хотя среди пяти приведенных Гречем примеров нет интересующих нас сейчас адъективных форм на *-ья/-ія*, однако буквальное применение к последним данного правила дает звучание, отличное от звучания форм на *-ье/-ие*.

Еще одним аргументом в пользу возможного особого звучания адъективных форм на *-ья/-ія* могут служить данные рифм. В последнем прижизненном издании «Онегина» наблюдается 13 фактов рифмовки с участием прямопадежной формы прилагательного мн. числа, например: «Гребенки, пилочки стальные, / Прямые ножницы, кривые» (ЕО-1-24); «Все было тихо; лишь ночные / Перекликались часовые» (ЕО-1-48); «Копыта, хоботы кривые, / <...> / Рога и пальцы костяные» (ЕО-5-19). Из них в 11-ти случаях последние гласные буквы совпадают и только в 2-х наблюдается их расхождение: «И предразсудки *вѣковые*, / И гроба тайны роковыя» (ЕО-2-16); «Готовы санки *бѣговья*. / <...> / *Лепаша* стволы роковыя» (ЕО-6-25); при этом в последнем случае первые два прижизненных издания дают «правильную» рифмовку: «*бѣговья*» ~ «роковыя». Тем самым зрительная рифма здесь существенно преобладает. Интересны два случая зрительной рифмовки формы прилагательного в восьмой главе¹⁶: «И нынѣ Музу я впервые / На *свѣтскій* раутъ привожу; / На прелести ея степныя / Съ ревнивой робостью гляжу» (ЕО-8-6); «Весна живить его: впервые / Свои покои запертые, / <...> / Онъ яснымъ утромъ оставляетъ» (ЕО-8-39). Здесь буквенный состав наречия «подстраивается» под рифмующуюся с ним словоформу прилагательного.

Существенно принять во внимание факты рифмовки у Пушкина прямопадежных адъективных форм мн. числа с существительными на *-ія*: *стихія, Россія, Марія*, которые, если верить процитированному выше указанию Н.И. Греча, произносились без редукции конечного гласного. Словоформа *стихія* попадает в рифменную позицию однократно, рифмуясь с адъективной словоформой *голубья* в стихотворении «К морю» (ср. данные Белового с поправками автографа первой редакции: «Прощай, любезная стихія / Въ послѣдній разъ передо мной / Ты катишь волны голубья / И блещешь гордою красой» – [ПД: ед. хр. 835, л. 12 об.]). Во всех пяти случаях рифмовки такой адъективной формы со словоформой *Россія* эта форма согласуется с существительным среднего рода. Словоформа *Марія* рифмуется с адъективной прямопадежной словоформой прилагательного мн. числа 9 раз, из которых только одно-

¹⁵ Противопоставление «высокого» и «низкого» слога и связанные с ним различия в произношении нередко отмечаются в русских грамматиках XIX века. В книге В.М. Живова о языке XVIII века говорится следующее: «<...> поэтическая декламация обладала особой фонетикой и могла избегать редукции там, где для разговорной речи она была нормативной. В этом смысле поэтическая декламация реализовала «полный стиль» произношения <...> в поэтическом произношении флексии *-ья/-ія* и *-ье/-ие* могли, действительно, различаться, и в этом случае обсуждаемая поэтическая вольность способствовала фонетической точности рифмовки» [Живов 2004: 499]. Представляется, что это приложимо и к поэтической декламации XIX в.

¹⁶ Отмечено в работе [Шапир 2002б: 14].

кратно – с формой мужского рода («Отвѣты робѣѣ, глухѣ» – «Полтава»). Итак, в 15 случаях мы наблюдаем только однократное нарушение зрительной рифмовки.

Выразителен случай рифмовки интересующей нас адъективной формы с архаической формой прилагательного род. пад. женск. рода: «И вы забыты мной, измѣнницы младыя, / Подруги тайныя моей весны златыя» («Погасло дневное светило...», 1820 [Пушкин 1829: 85]). Думается, относительно последней словоформы *златыя* можно утверждать произношение с отчетливым конечным нередуцированным гласным, отличным от конечного гласного в *златые*; тогда и рифма *младыя* должна была произноситься аналогичным нередуцированным образом.

Интересен факт различия в рифмовке у Боратынского в первоначальной и окончательной редакции его элегии «Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ...», указанный в [Пильщиков 2002: 399]: вторая из строк первоначальной редакции: «Съ волненьемъ учится, губя часы златыя, / Наукѣ созидать твердыни боевыя» (с неточной зрительной рифмой) была заменена в окончательной редакции так: «Наукѣ размѣрять окопы боевыя». «Очевидно, стих был изменен ради графической точности рифмы [*златыя* (муж. р.) : *боевыя* (жен. р.) > *златые* (муж. р.) : *боевые* (муж. р.)]», – отмечает И.А. Пильщиков.

В связи с адъективными прямопадежными формами чрезвычайно любопытен факт рифмовки, относящейся к значительно более позднему времени: рифма во фрагменте из рабочей тетради Велимира Хлебникова, приведенном выше в качестве второго эпиграфа: «Эти ткани голубыя / [Созерцаемъ] только голубъ и я» (Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 527, оп. 2, ед. хр. 60, л. 112; опубликовано в [Перцова 1994]). Эта рифма отчетливо демонстрирует поэтическую нагруженность орфографии: звучание концовок этих строк дает разноударную приблизительную рифму, однако конечные буквенные цепочки согласуются с общей тенденцией к зрительной рифме в русской классической поэзии. Совершенно ясно, что в первой Хлебниковской строке значим род существительного: мужской род здесь был бы решительно невозможен.

7. БЕЗУДАРНЫЕ ОКОНЧАНИЯ *-ый/-ий* ~ *-ой* ПРЯМОПАДЕЖНЫХ АДЪЕКТИВНЫХ ФОРМ ЕДИНСТВ. ЧИСЛА МУЖСК. РОДА

Приведенный в предшествующем пункте материал ясно показывает общую тенденцию рифменной практики Пушкина: зрительная рифма явным образом предпочтительна¹⁷. Аналогичная картина обнаруживается в области рифмовки с участием прямопадежных прилагательных ед. числа муж. рода с безударным окончанием – эти формы в старинном русском языке имели альтернативные графические окончания *-ый/-ий* и *-ой*. Об окончании *-ый* и о его стилистическом соотношении с *-ой* можно судить по свидетельству Г.П. Павского: «Въ окончаніи прилагательныхъ именъ *ый* гласную *ы* мы произносимъ за *о*, наипаче тогда, когда надъ нею удареніе <...> Наше правописаніе, утвердившееся на основаніи Церковныхъ книгъ, согласно с Церковно-словенскимъ выговоромъ продолжаетъ писать *ы*, а общежителный Русскій языкъ, презирая устарѣлое для себя правописаніе, говоритъ по своему *о*». «Въ Церковнословенскомъ же языкѣ всегда говори и пиши: *ый* (послѣ гкх, *ий*). Словъ: *святый, благій*

¹⁷ В целях опровержения этого очевидного факта приводится обычно негативное высказывание Пушкина по поводу зрительной рифмы в рецензии на сборник Сент-Бёва, опубликованной в «Литературной газете» в 1831 г.: «<...> как можно вечно рифмовать для глаза, а не для слуха? Почему рифмы должны согласоваться в числе (единственном или множественном), когда произношение в том и в другом случае одинаково?». При этом забывают, что эти вопросы Пушкин задает не по поводу русского стихосложения, а в связи с «Мыслями» И. Делора (псевдоним Сент-Бёва), в которых «изложено его мнение касательно французского стихосложения». Что касается стихотворной практики самого Пушкина, в ней наблюдается очевидная тенденция к зрительной точности рифмы.

и т.п. при чтении Церковныхъ книгъ не лѣзя читать: *святѣй, благѣй*» [Павский 1850а: 123–124].

О том же произношении говорит Я.К. Грот [1876: 38]: «Въ прилагательныхъ муж. р. ед. ч., какъ напр. *старый, слабый*, Ы <...> произносится какъ неударяемый О; но здѣсь звука Ы собственно нѣтъ; эта буква только пишется, чтобы выставить окончаніе *ый* какъ характеристическій признакъ муж. рода; въ сущности же тутъ имѣется окончаніе *ой*, гдѣ О произносится какъ неопредѣленный гласный между А и О».

Графическая оппозиция *-ый/-ий ~ -ой* в определенных случаях могла нести стилистическую нагрузку – окончание *-ый/-ий* тяготело к более высокому стилистическому рангу, о чем говорится еще в грамматике [Соколов 1792: 30]: «Прилагательныя имена въ высокому слогѣ пристойнѣе кончить на *ый*, и *ий*, а въ простомъ, или низкомъ *ой*, и *ей*, ибо непристойно говорить и писать: *Большій палецъ*, вм: *большой палецъ*; *острый ножикъ*, вм: *вострой ножикъ*; так же *великой Государь* вм: *великій Государь*; *свѣтой духъ*, вм: *свѣтый духъ*, ни говорить, ни писать не должно». Спустя 18 лет в грамматике [Розанов 1810: 232] отмечается равноправие этих форм для одних носителей языка и их стилистическая неравнозначность для других: «Окончанія имен прилагательныхъ на *ий*, *ый*, *ой* многими употребляются одно вмѣсто другаго: но первые два приличнѣе употреблять въ высокому слогѣ и важныхъ рѣчахъ, а послѣднее, т.е. *ой*, въ простой рѣчи и въ разговорѣ. На пр. *Духъ Свѣтый, Великій Государь; большой палецъ, тупой уголъ*».

О тенденции употребления *-ый* в книжном, а *-ой* в разговорном или просторечном стиле письма говорится – среди прочих – в сравнительно недавних работах [Сергеева 1989; Сидяков 1997: 15 и сл.; Лефельдт 1998: 166 и сл.]. Весьма существенно учитывать распределение этих форм в рифменной позиции; еще столетие тому назад на предпочтения Пушкина в этой области указывал В.И. Чернышев [1907: 30–31]: «<...> окончаніе именительнаго падежа *ой* является у Пушкина довольно часто въ сопоставленіи съ родительнымъ, творительнымъ и предложнымъ падежами женскаго рода, съ которыми и пишется одинаково. <...> Такъ, въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» имѣемъ: шумъ нестройной – нѣгою спокойной, кумысъ прохладной – жалости отрадной <...>. И тутъ же видимъ окончаніе *ый*, если слова не рифмуются съ формами женскаго рода: цѣлебный – волшебный <...>. Перевесъ остается на сторонѣ книжнаго окончанія. Преобладаніе его наглядно указывается такими примѣрами, гдѣ изъ двухъ сосѣднихъ прилагательныхъ, стоящихъ въ концѣ строки, первое имѣетъ *ый*, а второе, ради рѣимы, *ой*: чести безпощадной – твердый, хладной <...>, княжны прекрасной – неистойый, ужасной <...>, главою бранной – недвижный, бездыханной <...>».

Относительно «Евгения Онегина» вопрос об употреблении той или другой графической формы прилагательного был подробно рассмотрен М.И. Шапиром: по его подсчетам, в подавляющем большинстве случаев в «Онегине» в рифмах с такими формами нет расхождения между гласными буквами, а в нерифменной позиции такие формы имеют почти исключительно окончание *-ый/-ий* [Шапир 1999: 104, 107–109; 2002б: 14 и сл.].

8. НЕНОРМАТИВНОЕ БЕЗУДАРНОЕ ОКОНЧАНИЕ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ 2-ГО СПРЯЖЕНИЯ В 3-М ЛИЦЕ НАСТ. ВРЕМЕНИ: *ДЫШЕТЪ, ДЫШУТЬ*...

В написаниях этих окончаний существовал разнобой. Н.И. Греч [1827а: 514] предписывает для глаголов 2-го спряжения, «оканчивающихся въ неокончательномъ наклоненіи на *ать*, съ предъидущей шипящею буквою во 2-м и 3-м лицах ед. числа наст. времени окончанія *-ишь, -итъ* и т.д.» (подразумевая *-атъ* в 3-м лице мн. числа). Это правило нередко нарушалось; например, в «Евгении Онегине» четырехкратно встречающаяся словоформа «дышетъ» – причем дважды в рифме – имеет только такой облик. Убедительные доводы в пользу произносительной значимости написания «дышутъ» для старой московской орфоэпической нормы (носителем которой был

Пушкин, использовавший оба написания – «дышуть» и «дышатъ») приведены В. Лефельдтом, ссылавшимся на Р. Кошутича и Р.И. Аванесова [Лефельдт 1998: 170–171].

9. ФОРМЫ МЕСТОИМЕНИЯ 3-ГО ЛИЦА МН. ЧИСЛА И МЕСТОИМЕНИЯ *ОДИНЪ* ВО МН. ЧИСЛЕ

В старинном русском языке в именительном падеже различались местоимения 3-го лица мн. числа *они* и *онѣ* и числительные-местоимения мн. числа *одни* и *однѣ*; в косвенных падежах в первом случае различий не было, а во втором они, по-видимому, были факультативны: формы *однѣх*, *однѣм*, *однѣми* встречаются и в грамматиках, и в текстах («<...> Она любви еще не знала / И независимый досугъ / Въ отцовскомъ замѣкъ межъ подругъ / Однѣмъ забавамъ посвящала» [Пушкин 1835: 207]). В случаях соотносительности указанных прямопадежных форм с мужским родом выбирались формы *они* и *одни*, а в случае соотносительности с женским – *онѣ* и *однѣ*; что касается среднего рода, здесь были колебания. Средний род объединяется с женским в форме *онѣ* в грамматиках [Соколов 1792: 71; РГРА 1809: 15; Орнатовский 1810: 113; Розанов 1810: 71; Павский 1850б: 267], но с мужским в форме *они* в [Греч 1827б: 233; Буслаев 1858: 190]. В отношении форм *одни* / *однѣ* указанные грамматика дают аналогичное распределение – за одним исключением: в [Павский 1850б: 218] средний род объединен не с женским, а с мужским. Приведем иллюстративный материал с местоимением 3-го лица мн. числа, соотносимого со средним родом, из научно-публицистических текстов Пушкинского времени (подчеркивания в цитатах здесь и ниже принадлежат автору настоящей статьи).

Форма *они* или *одни*: «Полныя прилагательныя употребляются тогда, когда они должны стоять передъ именами существительными <...>» [Болдырев 1819: 151]; «<...> всегда останется множество словъ, которыя будутъ употребляться только в Литературѣ, ибо для разговоровъ будутъ они слишкомъ полновѣсны или неумѣстны» [Булгарин 1834]; «Онъ <М.П. Погодин> заключаетъ ее <историю> не въ однихъ явленіяхъ политическихъ <...>» [из рецензии Гоголя на книгу Погодина «Исторические афоризмы» – «Современник». 1836. Т. 1: 298].

Форма *онѣ* или *однѣ*: «Сколь ни безобразны были сіи изображенія; однакожъ онѣ могли подавать понятіе о самомъ предметѣ <...>» [Орнатовский 1810: 12]; «Счастіемъ называется то, когда человѣкъ всегда почти получаетъ желаемое, когда не встрѣчается съ нимъ ничего неприятнаго, когда онъ всѣ дѣла свои, хотя бы онѣ были сопряжены с величайшими затрудненіями, оканчиваетъ наилучшимъ успѣхомъ – словомъ, счастіе есть не что иное, какъ удача во всѣхъ дѣлахъ» [Калайдович 1818: 104–105]; «<...> писателей Словесности увлекаютъ часто въ трудахъ однѣ пышныя названія, или заглавія ихъ сочиненій <...>» [Филомафитский 1822: 74]; «<...> первая цѣль и польза знаковъ препинанія: мы можемъ скоро, хорошо и справедливо произносить сочиненія другихъ, когда онѣ размѣщены съ разсужденіемъ и справедливыми знаками» [Филомафитский 1822: 85]; «При переходѣ священныхъ словъ въ общежительный языкъ онѣ еще болѣе перестроились на ладъ языка Русскаго» [Павский 1850а: 139].

Разные местоименные формы соотносятся со средним родом в следующих цитатах из Грибоедова и Пушкина: «Воспоминанія! какъ острый ножъ онѣ» («Горе от ума»); «Ограниченность его желаній и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены» («Путешествіе в Арзрум» – Современник. 1836. Т. 1: 77).

Мы видим, что в языке первой половины XIX века употребление форм *они*, *онѣ*, *одни*, *однѣ* соотносительно с существительными среднего рода мн. числа не отличалось единообразием: здесь имел место разнобой. Примечательна следующая выразительная цитата из письма Пушкина к брату от 27 марта 1825 г.: «Получилъ-ли ты мои Стихотворенія? – вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: Многія изъ сихъ стихотвореній – дрянъ и недостойны вниманія Росейской Публики – но какъ они часто бывали печатаны богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками

наборщика и съ ошибками издателя – такъ вотъ онѣ, извольте-съ кушать-съ, хотъ это-съ – <.....>-съ (сказать это помягче)» [Пушкин 1926: 125] – здесь в одной и той же фразе словоформа средн. рода мн. числа *стихотворений* служит антецедентом для двух разных местоименных форм – *они* и *онѣ*. И в том же письме в зачеркнутой фразе форма *онѣ* соотносится с существительным среднего рода: «Не напечатать-ли въ концѣ *Воспоминанія въ Ц. С.* съ Нотой что *онѣ* писаны мною 14 лѣтъ – и съ выпискою из моихъ записокъ (объ Державинѣ) ась?» [Там же: 126] (подчеркивание принадлежит мне, курсив – Пушкину. – Н.П.).

В первой прижизненной публикации Пушкинских «Воспоминаний в Царском Селе» мы находим редчайший пример расхождения графики и фонетики в рифме: «Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой, / Родимой прелесть стороны? / Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой, / Развалины теперь однѣ <...>» [Пушкин 1815: 7]; здесь графически словоформа *однѣ* совершенно законно согласуется с существительным женского рода, однако фонетически она уподобляется рифмующемуся слову *стороны*. В других источниках здесь стоит грамматически незаконная, но рифменно корректная словоформа *одни*: ее мы видим и в беловом автографе, поднесенном Пушкиным Державину [ПД: ед. хр. 5, л. 3], и в списке Матюшкина (?) с Пушкинскими поправками [ПД: ед. хр. 4, л. 5 об.], и в трех других прижизненных публикациях (1817, 1822 и 1834 г.)¹⁸. Похоже, редакция «Российского Музеума», где ода Пушкина была впервые опубликована, исправила грамматический промах в рукописи юного поэта, при этом испортив рифму.

В следующем же примере – из письма Пушкина к Вяземскому от 28 января 1825 г. – мы видим нарушение обычного согласования не только в фонетике, но и в графике: «Милый, теперь *одни глупости* могутъ еще развлечь и разсмѣшить меня – Слава-же Филимонову!» [Пушкин 1926: 116].

Приведенный материал позволяет предположить, что для форм *онѣ* и *однѣ*, как и для ряда других старинных орфографических феноменов, существовало вариантное произношение (аналогичное явление наблюдается у формы *ея* – см. следующий раздел 10): для непринужденно разговорного стиля речи было характерно скорее конечное ударное [й], а для декламационно-ораторского, высокого – скорее [ѣ]. В рифмах же, по-видимому, словоформа *онѣ* вела себя более единообразно, чем *однѣ*: первая коррелировало со словоформами на [ѣ], а для последнего, как показывает пример у Пушкина, возможны были рифмы на [й].

Начиная с 1850-х годов устанавливается единообразие (уже намечавшееся в 1830-х): *они*, *одни* закрепляются за мужским и средним, *онѣ*, *однѣ* – за женским родом. Грамматики, к сожалению, не дают сведений о том, насколько твердо произношение следовало здесь за орфографией; ясно, что в рифмах эти формы различались и произносились, т.е. были функционально нагружены. М.И. Шапир [2001: 52; 2002б: 13–14] отмечает в «Онегине» выразительный случай дополнительного созвучия (поддерживаемого графически – добавлю я), возникающего благодаря форме местоимения (и утрачиваемого при бытующей современной унификации): «<...> Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлой, / Я все ихъ помню, и во снѣ / Онѣ тревожатъ сердце мнѣ» (ЕО-1-30). Вслед за Шапиром отмечу, что несколькими строками ниже – «<...> Онѣ не стоятъ ни страстей, / Ни пѣсень, ими вдохновенныхъ <...>» (ЕО-1-34) – возникает слабое созвучие между 2-ым и 3-им слогом в строке ([анѣ нѣ стѣѣтъ...]), которое при современной унификации заменяется другим созвучием – между 2-ым и 6-ым ([анѣ нѣ стѣѣтъ нѣи страстѣѣ]).

10. ФОРМА ЕЯ МЕСТОИМЕНИЯ 3-ГО ЛИЦА

Эта форма употреблялась как форма родительного падежа местоимения 3-го лица ед. числа жен. рода (с вариантом *нея* после предлога) или как форма притяжательного

¹⁸ Правда, в «Тетради Всеволожского» [ПД: ед. хр. 847, л. 9 об.] – писарской копии с поправками Пушкина – стоит в соответствующем месте *однѣ*, взятое, можно предполагать, из первой публикации 1815 г.

местоимения 3-го лица жен. рода. Относительно этих форм мы находим у Н.И. Греча [1827а: 510] следующее свидетельство: «Въ окончаніи родительнаго падежа личнаго мѣстоименія третьяго лица женскаго рода въ числѣ единственномъ, полагается я; (напримѣръ: я не знаю ея; это братъ ея; я былъ у нея) хотя сія буква и произносится какъ ѣ <...>. Сіе правописаніе наблюдается для отличенія родительнаго падежа отъ винительнаго: я знаю её; онъ вступился за неё».

Указанное Гречем звучание было, по-видимому, характерно в основном для непринужденной разговорной речи, а в высокой книжной речи было допустимо произношение в соответствии с написанием. Во всяком случае, таково было звучание этой формы в соответствующих рифмах, ср. «На крикъ испуганный ея / Ребятъ дворовая семья / Сбѣжалась шумно. <...>» (ЕО-7-16). Однако и в рифмах фонетика могла приходиться в противоречие с графикой (ср. с разобранным выше случаем рифмовки *стороны* : *однѣ* у Пушкина), что показывают редкие рифмы у Боратынского в ранней редакции его элегии «Зачѣмъ живыя выраженья...» (зима 1821–1822), комментируемые в [Пильщиков 2002: 444]. В этой редакции наблюдаются два факта рифмовки: «Душа полна тоски ея; / Но я разсудка не забуду / И на смятеніе мое / Отвѣта требовать не буду» (ст. 9–12); «Но въ жаръ краса меня не вводитъ: / Тяжелый опытъ взялъ своё. / Я захожу въ приютъ её, / Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходитъ» (ст. 44–47). Вот как комментирует это И.А. Пильщиков: «Местоимение *ея* (род. пад.) читается [jejo] и рифмуется с *мое* (ст. 11). Расхождение между фонетикой и орфографией не позволяет сделать рифму точной и фонетически, и графически. Аналогичный случай – в ст. 46: *Я захожу въ приютъ её* <...> (рифма: *своё*, ст. 45). Здесь графическая точность рифмы достигается благодаря неверному написанию местоимения род. пад. – *её* (вместо *ея*). В первом случае орфография победила фонетику, во втором – фонетика орфографию. Неудивительно, что в окончательной редакции этой элегии (“Мне с упоением заметным...”) Баратынский избавился от обоих “неудобных” пассажей» [Пильщиков 2002: 444].

Итак, орфографическая оппозиция *ея* ~ *ее* / *её* дает еще один случай словоизменной омофонии, отсутствующей в современном языке.

11. СТРОЧНАЯ / ПРОПИСНАЯ БУКВА

Прописная буква в старинной орфографии была гораздо больше нагружена, чем в современной: с прописной буквы могли писаться названия национальностей, прилагательные от этих названий, вторые компоненты наречий от названий национальностей (*по Русски* / *по-Русски*¹⁹), названия должностей, званий, титулов, профессий, наук, искусств, месяцев, дней недели, олицетворения, сакральные и аллегорические наименования... В поэтическом языке прописными буквами могли начинаться или выделяться сплошь особо значимые слова.

Очень важным представляется следующее указание Н.И. Греча о разрешении лексической неоднозначности с помощью буквенного регистра [1827а: 549–550]: «Если слово имѣтъ два значенія, то важнѣйшее из оныхъ, ближе подходящее къ наименованію собственному или къ имени предмета умственного, олицетвореннаго, начинается прописною буквою; напримѣръ *церковь*, зданіе (*церковь Знаменія*), *Церковь*, собраніе *вѣрующихъ*, (*Церковь Христіанская*); *дворъ*, пространство, окруженное заборомъ (аеа), (*птичій дворъ*), и *Дворъ*, мѣстопробываніе, свита Государя (*aula*), (*Французскій Дворъ*); *обитель*, жилище, и *Обитель*, монастырь <...>» (и далее Греч приводит еще 8 таких пар, завершая перечисление красноречивым «и т.д.»).

Я.К. Грот [1876: 358] отмечал: «Было время, когда у насъ всякое иностранное существительное имя отличали на письмѣ большой буквой. Карамзинъ писалъ: *Авторъ*,

¹⁹ У А.Х. Востокова [1831: 364] находим и слитные варианты: *порусски*, *понѣмецки*, *похристіански*; у И.И. Давыдова [1852: 409] – дефисные написания *по-русски*, *по-волчы*.

Литтература». С помощью прописных букв могли быть выражены существенные противопоставления, что иллюстрируется следующими двумя цитатами из статьи Е.М. Филомафитского [1822: 100–101, 133], в которых противопоставление хороших и плохих писателей отражается постановкой прописных и строчных букв соответственно: «Я бы даже не далъ мѣста среди знаковъ препинанія и самымъ вмѣстительнымъ () (имеются в виду скобки. – Н.П.): онѣ, заключая въ себѣ такъ называемыя предложія вложенныя или вставочныя, уже слишкомъ много препинають или останавливаютъ рѣчь, – и плохимъ писателямъ даютъ какъ будто бы нѣкоторое право быть теми и разтянутымъ; хороший же Писатель найдетъ много средствъ вложенное предложение помѣстить въ своей рѣчи и безъ вмѣстительныхъ <...>»; «<...> пора заключать въ нѣкоторыя предѣлы полетъ – не Геніевъ Писателей, а писателей просто и притомъ молодыхъ писателей».

Не верно, что все подобного рода прописные написания были простой орфографической условностью. Можно предположить, что прописная буква в начале слова была в прежнее время наделена гораздо более явной индивидуализирующей функцией, чем ныне. У И.И. Давыдова [1852: 412] читаем: «Назначеніе этихъ (прописных. – Н.П.) буквъ состоитъ въ томъ, чтобы привести *общее понятіе въ единичное*: на этомъ основываются всѣ частные случаи, въ коихъ онѣ употребляются». И далее Давыдов отмечает (с. 413) различие в написаниях названий чинов, титулов, званий в разных случаях: «<...> когда они присоединены къ собственному имени, или его замѣняютъ, пишутся прописными буквами: *Государь Императоръ, Фельдмаршалъ, <...> Прапорщикъ, Губернскій Секретарь, Ваше Сіятельство, Ваше Превосходительство*. Но эти же слова, если стоятъ отдельно и употреблены въ общемъ значеніи, пишутся строчными буквами. н.п. “У меня сынъ секретарь”» (см. также [Греч 1827а: 547])²⁰.

К использованию прописных букв весьма диалектически подходил Я.К. Грот [1876: 359]: «Слишкомъ пестрить письмо большими буквами конечно не годится, но съ другой стороны и слишкомъ тщательно избѣгать ихъ нѣтъ основанія: большія буквы во многихъ случаяхъ доставляютъ ту практическую пользу, что при бѣгломъ чтеніи или при просмотрѣ прочитаннаго даютъ глазу точки опоры, облегчаютъ ему отысканіе нужнаго». Вот каким образом мотивирует Грот прописную букву в названиях народов: «Если названіе страны, мѣстности, города, деревни считается собств. именемъ, то какъ не признавать такимъ же и имя народа или жителей, по крайней мерѣ когда мы разумѣемъ население во всей его совокупности, напр. въ предложенияхъ: *Французы воевали съ Нѣмцами; Шведы и Норвежцы населяютъ Скандинавскій полуостровъ*» [Грот 1876: 361]²¹. Эти цитаты наводят на мысль о том, что и другие случаи употребления прописных букв, которые нам представляются чисто технической данью тогдашней орфографии, могли обладать психолингвистической значимостью для носителей письменного языка.

12. СЛИТНЫЕ / РАЗДЕЛЬНЫЕ НАПИСАНИЯ

Известно, что некоторые предложные, наречные, союзные или местоименные выражения, в современном языке пишущиеся слитно или через дефис, в старинной орфографии могли писаться раздельно: *впоследствиѣ ~ въ послѣдствіи, вследствие ~ въ слѣдствіе, взамен ~ въ замѣнѣ, наряду ~ на ряду, набекрень ~ на бекрень, вдобавок*

²⁰ Переводя это правило на современную семантическую терминологию, можно сказать, что оно предписывает нереферентные употребления названий чинов, титулов, званий писать со строчной буквы.

²¹ Правда, уже вскоре практика написаний названий национальностей изменилась – в [Грот 1888: 89] читаем: «Имена племенъ, народовъ, населеній <...> пишутся въ обоихъ числахъ съ малой буквы: *славянинъ, славяне, чехи, поляки, нѣмцы <...>*». Стало быть, в разные периоды практика написаний была различной, однако нам это может давать важные свидетельства по поводу исторической принадлежности текста.

~ въ добавокъ, сразу ~ съ разу, вволю ~ въ волю, впору ~ въ пору, по-старому ~ по старому, притом ~ при томъ, причем ~ при чемъ, несмотря [на] ~ не смотря [на], невзирая [на] ~ не взирая [на], никоторый ~ ни который, нимало ~ ни мало, ниоткуда ~ ни откуда и др. Наблюдаются также противоположные случаи соотношения современных и старинных написаний (хотя их значительно меньше): в тиши ~ втиши, по двое ~ подвое, до того ~ дотого, во-первых ~ вопервыхъ, со временем ~ современемъ. Примеры раздельных или слитных написаний в изобилии приводятся в [Грот 1876: 362–370]. И в этой области орфографии нельзя игнорировать возможной психолингвистической значимости способа написания, о чем говорит следующее эвристическое правило у Грота: «Слитно писать два слова слѣдуетъ тогда, когда соединеніе ихъ безпрекословно утверждено общимъ сознаниемъ; когда же встрѣчается сомнѣніе, писать ли ихъ слитно или врознь, то лучше избирать послѣднее» [Грот 1876: 363]. Нельзя признать за этим правилом полной ясности и конструктивности, и некоторые примеры самогo Грота с ним расходятся, однако оно, думается, все же высвечивает некоторую, пусть и весьма зыбкую, психолингвистическую реальность.

Грот, решительно выступая против тенденции к слитному написанию, выдвигает соображения, звучащие весьма современно с методологической точки зрения: «<...> слова, слитно пишущіяся, должны занимать отдѣльные мѣста въ словарѣ, а обременять словарь безъ надобности множествомъ лишннихъ словъ, не только неразумно въ научномъ смыслѣ, но и неудобно на практикѣ. Другое соображеніе противъ слишкомъ усиленнаго обычая сливать два слова въ одно заключается въ томъ, что это можетъ вредить ясности рѣчи и давать поводъ къ двумыслию, напр. начертаніе *наряду* легко можетъ быть принято за дат. падежъ сущ. *нарядъ*» [Грот 1876: 362].

Приведенный материал показывает, что старинная орфография вовсе не представляла собой нечто внешнее по отношению к устной форме языка, но была весьма существенно связана с ней сложными отношениями. Сведем рассмотренные явления в таблицу лексико-грамматических и иных расхождений между старой и современной орфографией.

Таблица

Старая орфография	Современная орфография
1а. Исключенные буквы: ѣ, і, ѳ, ѵ: лѣтъ, водѣ, в морѣ, сильнѣе, сильнѣшій... сіяніе, Россія, великій, міръ... дифирамбъ, эфиръ, Феофанъ, Тимофѣй... миро, Евангеліе	лес, воде, в море, сильнее, сильнейший... сияние, Россия, великий, мир... дифирамб, эфир, Феофан, Тимофей... миро, Евангелие
1б. Конечный ъ: столъ, лугъ, нашъ...	стол, луг, наш...
1с. Адъективные окончания -аго/-яго: новаго, перваго, синяго, большаго... самого ~ самаго	нового, первого, синего, большого... самого
1д. Приставки на з и с: разсуждать, безподобно, чрезчуръ...	рассуждать, бесподобно, чересчур...
1е. Окончания сущ. с основой на шип. или ц: лучемъ, мечемъ, лице, лицемъ, отцевъ...	лучом, мечом, лицо, лицом, отцов...
1ф. Архаич. варианты написания: дельфинъ, вулканъ, аррестъ, щастье...	дельфин, вулкан, арест, счастье...
2. Лексич. омофония, связанная с буквой ѣ: лечу ~ лѣчу, пеню ~ пѣню, сведеніе ~ свѣдѣніе...	лечу, пеню, сведение...

Старая орфография	Современная орфография
3. Грамматич. омофония субстантивов: (а) сущ. средн. рода на -е: <i>поле ~ в полѣ, море ~ в морѣ...</i> (б) мест. что в тв. и предл. пад. – чѣмъ ~ чемъ: <i>надъ чѣмъ ~ на чемъ; съ чѣмъ ~ въ чемъ</i>	<i>поле, море...</i> <i>над чем, с чем, в чем</i>
4. Грамматич. омофония прилагательных: <i>искреннее ~ искреннѣе</i>	<i>искреннее</i>
5. Лексич. омофония, связанная с <i>i</i> и <i>v</i> : <i>миръ ~ мѣръ; мира ~ міра ~ мѣра</i>	<i>мир; мира</i>
6. Прямопад. адъект. формы на -ые/-іе ~ -ья/-ія: <i>двойные ~ двойныя, жестокіе ~ жестокія...</i>	<i>двойные, жестокие...</i>
7. Прямопад. адъект. формы на -ый/-ій ~ -ой: <i>храбрый ~ храброй, легкій ~ легкой...</i>	<i>храбрый, легкий...</i>
8. Безуд. оконч. глаголов в презенсе 3-го лица: <i>дышетъ, дышутъ...</i>	<i>дышит, дышат...</i>
9. Родовые различия местоим. форм мн. ч.: <i>они ~ онѣ, одни ~ однѣ</i>	<i>они, одни</i>
10. Различие между формами род. и вин. падежа местоимения 3-го лица жен. рода: <i>ея ~ еѣ (еѣ), нея ~ нее (неѣ)</i>	<i>ее (еѣ), нее (неѣ)</i>
11. Написания с прописной буквы: <i>Французъ, Генераль, Профессоръ, Предсѣдатель, Департаментъ, Литература, Июнь, Четвергъ...</i>	<i>француз, генерал, профессор, председатель, департамент, литература, июнь, четверг...</i>
12а. Раздельные написания: <i>въ послѣдствіи, въ заменъ, въ добавокъ, не смотря [на], ни который, ни мало...</i> 12б. Слитные написания: <i>втиши, подвое, дотого...</i>	<i>впоследствии, взамен, вдобавок, несмотря [на], ниоторый, нимало...</i> <i>в тиши, по двое, до того...</i>

Таблица наглядно демонстрирует высокую лексико-грамматическую нагруженность орфографических различий, свойственных старой орфографии и отсутствующих в современной.

Коснемся некоторых особенностей старинной русской пунктуации. Надо сказать, что она гораздо более чувствительна к интонационно-мелодической стороне речи, чем современная. Среди наиболее ярких черт ее отличия от современной можно отметить следующие:

(1) Более тесная связь постановки запятой с возможными паузами, т.е. бóльшая коммуникативная «паузная» нагруженность запятой, чем в современной пунктуации: запятая может разделять группу подлежащего и группу сказуемого; запятыми часто выделяются обстоятельственные группы; запятая нередко ставится перед союзом *и*, разделяющим члены сочинительной цепочки²².

²² Ср. правило Н.И. Греча [1827а: 565]: «Предъ союзомъ *и*, запятая опускается, если новое слово присовокупляется непосредственно къ послѣднему; напримѣръ: *Яблоки, сливы и груши уже поспѣли. Он учится и ведетъ себя хорошо.* <...> Но если новое слово присовокупляется не къ послѣднему непосредственно, а къ другому, предшествующему, то запятая не опускается; напримѣръ: *Я написалъ письмо, и вышелъ со двора* <...>».

(2) Несочинительное употребление точки с запятой как разделителя между главным и придаточным предложением; например: «Можно быть уверено, что г. Сенковский сказалъ это безъ всякаго намѣренія, изъ одной опрометчивости; потому что онъ никогда не заботится о томъ, что говорить, и въ слѣдующей статьѣ уже не помнитъ вовсе написаннаго въ предыдущей» [статья Е.Ф. Розена «О Рифмѣ» – «Современник». 1836. Т. 1: 199]; «Хотя слава Галлея, давшаго имя свое сей кометѣ, въ исчисленіи ея 75-лѣтняго вращенія и не оспорима; однако же мы не можемъ не порадоваться тому, что западная ученость неисключительно участвовала <sic> въ сей важной услугѣ, оказанной Астрономіи» [статья П.Б. Козловского «Разборъ Парижскаго математическаго Ежегодника» – «Современник». 1836. Т. 1: 255].

(3) а. Употребления двоеточия в пространном периоде как сильного разделителя между отрезками периода, содержащими более «слабые» пунктуационные разделители – запятые или точки с запятой²³. Пример из [Филомафитский 1822: 75]: «И когда я думалъ, что знаки препинанія, не смотря ни на какое различіе сочиненій, вездѣ должны быть одни и тѣ же: то вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ и то, что при поставленіи оныхъ должно руководствоваться какими-нибудь – только одними и постоянными правилами».

(3) б. Еще одно странное для нас довольно частое употребление двоеточия в ситуациях сопоставления, противопоставления, вывода или следствия. У И.И. Давыдова [1852: 426] одно из употреблений двоеточия характеризуется следующим образом: «Для отдѣленія предложеній подчиненныхъ въ отношеніи причины и слѣдствія, противоположенія, условія и заключенія, сравненія и уподобленія <...>».

В.И. Чернышев в своей критике правописания в Большом академическом собрании сочинений Пушкина, комментируя двоеточие в следующих строках «Легко мазурку танцовалъ, / И кланялся непринужденно: / Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ <...>» (ЕО-1-4; процитировано по изданию 1833 г.), писал: «Оно издавна означало в русской пунктуации сопоставление и вывод (с одной стороны <, > воспитание Онегина, с другой – требование “света”» [Чернышев 1941: 450].

Тем самым получается, что, помимо запятой и тире (как в современном правописании), в качестве «подчинительного» разделителя в старинном русском письме могли выступать еще точка с запятой и двоеточие. Можно полагать, что выбор одного из этих четырех возможных разделителей не был совершенно произволен: он мог быть как-то связан с семантическими отношениями между разделяемыми компонентами фразы, или с ее коммуникативной структурой, или с ее мелодикой, или с продолжительностью паузы и т.п. С точки зрения разделительной силы знака и продолжительности паузы между главным и придаточным предложением была тенденция к такой пунктуационной иерархии: запятая < точка с запятой < двоеточие < точка (запятая связывала теснее, чем точка с запятой, последняя – теснее, чем двоеточие, двоеточие – теснее, чем точка). Такая иерархия была намечена в пионерной работе Е.М. Филомафитского [1822: 106 и сл.], расположившего знаки препинания в таком порядке «отъ меньшего къ большому»: 1) тире < 2) запятая < 3) запятая + тире < 4) точка с запятой < 5) двоеточие < 6) восклицательный знак < 7) вопросительный знак < 8) точка; Филомафитский связал эту последовательность знаков препинания с вложением одних – меньших – частей синтаксического периода в другие – большие, назвав порядок таких вложений «постепенностью» «въ полномъ сложномъ періодѣ» (здесь можно видеть прообраз понятия непосредственных составляющих, появившегося в научном синтаксисе спустя столетие с лишним, и то не в России). Разумеется, пунктуационная система Филомафитского строго не выполнялась, однако она отражала некоторые важные пунктуационные предпочтения в текстовой реальности XIX века.

У Н.И. Греча [1827а: 563], без ссылки на Филомафитского, «постепенностью» именуется не порядок синтаксических вложений, а сама пунктуационная иерархия (наблюдаемая «во взаимномъ соотношеніи знаковъ препинанія»): «<...> умолчаніе, или павза, при точкѣ равняется че-

²³ В грамматике [Востоков 1831: 325] читаем: «Двоеточіе <...> ставится между обѣими половинами сложнаго періода, когда сіи половины заключаютъ въ себѣ нѣсколько членовъ, раздѣленныхъ уже точками съ запятою, или запятыми <...>». Такое архаичное употребление двоеточія рекомендуется еще Я.К. Гротом [1876: 113].

тыремъ темпамъ, или ударамъ, при двоеточіи тремъ, при точкѣ съ запятою двумъ, а при запятой одному» [Греч 1827а: 564]. Ср. характеристики этих знаков в [Востоков 1831: 317]: запятая показывает «кратчайшую остановку голоса», точка с запятой – «остановку, вдвое долѣе запятой», двоеточие – «второе долѣе запятой», точка – «должайшую остановку, вчетверо противъ запятой».

Это, по-видимому, соответствовало предшествующей европейской традиции. Ср. указание на сайте www.applet-magic.com/punctuation.htm («History of the punctuation of English writing»): «Writers of the late seventeenth century tried to establish precise rules for the use of the comma, semicolon and colon, on the principles that a semicolon indicated a pause twice as long as that for a comma, and a colon indicated a pause twice as long as for a semicolon. Some grammarians rebelled at such artificial rules». – Для XVIII и XIX вв. «Oxford English Dictionary» приводит такие примеры: «1748 J. Mason Elocut. 24 A Comma Stops the Voice while we may privately tell one, a Semi Colon two; a Colon three; and a Period four; 1824 L. Murray Eng. Gram. (ed. 5) I. 403 The Colon is used to divide a sentence into two or more parts, less connected than those which are separated by a semicolon».

Любопытно, что в английских названиях двух средних знаков в иерархии – semicolon и colon – внутренняя форма как бы отражает «силу» референтов: полу-Х «слабее» Х-а.

(4) Постановка тире для обозначения особой паузы между членами простого предложения (видимо, более продолжительной и выразительной, чем в случае запятой); например: «Оригинальные характеры, свѣжія, дѣвственные представленія нравовъ – уже были похищены у васъ прежними мастерами»; «Мнѣ помнится, одинъ знаменитый Нѣмецкій критикъ, слишкомъ строгій къ нашимъ классическимъ поэтамъ, можетъ быть, умомъ и знаніемъ завлеченный въ невольный парадоксъ, предпочиталъ въ полномъ смыслѣ *Просителя – Мизантропу*» [эти две цитаты – из перевода с французского в статье Пушкина «Французская Академія» – «Современник». 1836. Т. 2: 46 и 48 соответственно].

(5) Активное употребление внутри единой фразы восклицательного и вопросительного знака, после которого следует строчная буква; например: «Невольно ль! иль из доброй воли <...>» (ЕО-5-34); «Я бросился на диванъ, надѣясь послѣ моего подвига зазнуть богатырскимъ сномъ: не тут-то было! блохи, которыя гораздо опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во всю ночь не дали мнѣ покою» (Пушкин. Путешествие в Арзрум. «Современник». 1836. Т. 1: 36).

Многочисленные примеры такого рода несовременной постановки знаков препинания приведены в работе [Бухмейер, Пинус 1963], в которой предлагается в большинстве случаев находить для необычной постановки знаков препинания современные эквиваленты: «<...> приблизив его пунктуацию к современным нормам, мы значительно облегчаем читателю восприятие» (с. 143)²⁴. Надо сказать, то же соображение побуждает многих текстологов ратовать за модернизацию орфографии.

Представляется, что приведенная в настоящей работе сводка особенностей старинного правописания свидетельствует о том, что его модернизация ведет к утрате исторической достоверности текста. Это следует не только из тех пунктов нашей сводки, которые явным образом демонстрируют функциональную нагруженность и психолингвистическую значимость старого правописания, т.е. из пунктов 2–12 орфографической сводки и всех пунктов (1)–(5) пунктуационной. Думается, в данном отношении существенны даже подпункты внешне «технического» орфографического пункта 1 (утраченные буквы, конечный ер, окончания *-аго/-яго* и др.), ибо упомянутые в нем признаки текста во многом определяют его внешний облик, а стало быть, зрительное

²⁴ Полемизируя с авторами цитированной статьи, П.Н. Берков [1963: 92] пишет: «<...> “незаконные” с нашей современной точки зрения применения запятой, двоеточия и других знаков поэтами XVIII века во многих случаях объясняются тем, что при тогдашней общей неразработанности грамматики, в особенности синтаксиса, знаки препинания – и в стихах, и в прозе, и в драматических произведениях – играли роль интонационно-декламационных разделителей. Эти традиции держались в дореволюционной школе в ряде случаев до 1917 года».

восприятие текста читателем – современником автора текста. Я целиком и полностью согласен с афористично выраженным тезисом М.И. Шапира (сказанным в связи с изданием Хармса, но, конечно, относившимся к любому художественному тексту): «Письменный, зрительный образ текста входит в его поэтику» [Шапир 1994: 329].

Как видно из приведенного выше материала, некоторые области русского правописания XVIII–XIX вв. характеризовались разнообразием и неупорядоченностью – причем не только в узусе, но и в грамматиках, на что нередко сетовали журналисты и литераторы: слитное или раздельное написание некоторых выражений; написание приставок с конечным *з* или *с* (*исключить* / *исключить*); написание приставки *при-* перед гласным (*приучить* / *приучить*), неупорядоченность в употреблении строчных / прописных букв в ряде случаев и др. Русское правописание было кодифицировано достаточно строго лишь в 1956 г., когда вышло в свет первое академическое справочное руководство. Было бы ошибкой утверждать, что до этого оно совсем уж негодно справлялось со своими обязанностями. В подавляющем большинстве случаев неупорядоченность правописания не препятствовала пониманию текста²⁵. При этом употребление в тексте тех или иных орфограмм (или пунктограмм) может иногда свидетельствовать о принадлежности автора к определенной эпохе, к тому или иному литературному или журнальному направлению или светскому кругу, о его орфографической эстетике. Возможно, именно это подразумевал Пушкин, говоря о «геральдическом» свойстве орфографии – см. первый эпиграф к настоящей работе; именно так трактует это его высказывание Ю.М. Лотман: «Называя орфографию “геральдикой языка”, Пушкин видел в ней эмблему литературного лагеря. Литературные направления по орфографии сразу же отличают “своих” от “чужих”. <...> если орфография – геральдика, то внося в нее изменения, мы меняем знамена, под которыми происходит литературное сражение» [Лотман 1995: 371].

Представляется неоправданным и нигилистическое отношение к эстетике правописания – ср. высказывание С.И. Карцевского в начале 1920-х годов из его статьи, воспроизведенной в книге [Григорьева 2004: 446]: «Эстетичность правописания – вещь условная и всецело сводится к привычке <...>». В некотором смысле все правописание условно, но, как было показано выше, оно гораздо теснее связано с планом содержания текста, чем полагают многие. Известно эстетическое отношение к правописанию у Вяч. Иванова, Блока, Брюсова, считавших необходимым сохранение исходного облика при издании классических литературных текстов – см. об этом в [Еськова 1966: 86 и сл.], где говорится: «К обычному для любого грамотного человека неприятию новых, непривычных написаний у писателей добавляется неприятие эстетическое». Здесь уместна и другая цитата из того же сборника: «Многие писатели <...> широко используют не только звуковую, но и “звуко-буквенную эстетику русского языка”, по удачному выражению С. Кирсанова. Ведь “в буквах своя поэзия”, – справедливо писал И. Сельвинский» [Григорьев 1966: 126]. Необычайно чутко относился к эстетике пра-

²⁵ Надо сказать, степень разнообразия и хаоса в старом русском правописании нередко представляется в гипертрофированном виде как в журнальной публицистике XIX века, так и в позднейшей научной литературе. В другую крайность впадает в книге по истории русского правописания Б.И. Осипов, явно преувеличивая степень упорядоченности старинного правописания: «Если мы обратимся к перечню орфограмм, вызывавших реальный разнобой в орфографии <...>, то при всей кажущейся многочисленности спорных вопросов тогдашнего правописания не обнаружим среди них ни одного пункта, который касался бы орфограмм высокочастотных» [Осипов 1992: 153]. Это, разумеется, неверно: существовал ограниченный набор достаточно частотных вариантных орфограмм: приставки на *-з/-с*, написания приставки *при-/при-*, написания со строчной / с прописной букв и др. Можно вспомнить и разнообразные вариантные написания лексем, о которых говорилось в пункте 1f. При этом относительно весьма широкого круга явлений старинное правописание было вполне регулярно. Старинная правописная реальность распадалась на подузусы, которые нередко характеризовали определенных авторов или издания.

вописания Бунин, который до конца жизни писал и публиковал свои тексты в старой орфографии и резко отрицательно воспринимал новую – а его письма 1885–1904 годов Институт мировой литературы РАН недавно издал все-таки в новой орфографии! Выдающийся русский мыслитель И.А. Ильин говорил о пагубности нового правописания для классических произведений русской литературы: оно «устраняет целые буквы, искажает этим смысл и запутывает читателей; оно устраняет в местоимениях и прилагательных (множественного числа) различия между мужским и женским родом и затрудняет этим верное понимание текста <...>» [Ильин 1993: 115–116] (о взглядах на старое и новое правописание Ильина, Блока, Вяч. Иванова, А.А. Шахматова, Д.С. Лихачева в 1910–1920-е гг. см. [Захаров 1995: 5–8]).

Вывод из сказанного ясен: аутентичная передача текста предполагает сохранение его графики и правописания – в частности в изданиях академического типа. Серьезное академическое издание классического литературного текста должно быть ориентировано на читателя-специалиста, во всяком случае, на такого читателя, который заинтересован в постижении не только «плана содержания», но и «плана выражения» текста²⁶. В таком издании не текст нужно приближать к читателю, а читателя к тексту – к его языку, его графике и правописанию²⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1984 – *Р.И. Аванесов*. Русское литературное произношение. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1984.
- Барсов 1981 – Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подгот. текста и текстологич. коммент. М.П. Тоболовой, под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. М., 1981.
- Берков 1963 – *П.[Н.] Берков*. Проблемы современной текстологии // *Вопр. литературы*. 1963. № 12.
- Болдырев 1819 – *[А.В.] Болдырев*. Нечто о сравнительной степени // *Труды Общества любителей Российской словесности*. Ч. XV. М., 1819.
- Боратынский 2002 – *Е.А. Боратынский*. Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. Ч. 1. Стихотворения 1823–1834 годов. М., 2002.
- Борн 1808 – *И.[М.] Борн*. Краткое руководство к Российской словесности. СПб., 1808.
- Булгарин 1834 – *[Ф.В. Булгарин]*. Челобитная слов: *сей, оный, кой, понеже, поелику, и якобы* (изгоняемых без суда и следствия из русского языка), ко всем грамотным русским людям // *Северная Пчела*. 1834. № 270 (27 ноября).
- Буслаев 1858 – *Ф.[И.] Буслаев*. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858.
- Бухмейер, Пинус 1963 – *К.К. Бухмейер, С.М. Пинус*. О модернизации пунктуации в стихотворном классическом тексте // *Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта»*. М., 1963.
- Вахек 1967 – *Й. Вахек*. К проблеме письменного языка // *Пражский лингвистический кружок*: Сб. ст. М., 1967.
- Востоков 1831 – *А.Х. Востоков*. Русская грамматика. СПб., 1831.
- Гвоздев 1963 – *А.Н. Гвоздев*. Основы русской орфографии // *А.Н. Гвоздев. Избр. работы по орфографии и фонетике. К 70-летию со дня рождения (1892–1959)*. М., 1963.
- Греч 1827а – *Н.И. Греч*. Практическая Русская грамматика. СПб., 1827.
- Греч 1827б – *Н.И. Греч*. Пространная Русская грамматика. СПб., 1827.

²⁶ Ср. у Ю.М. Лотмана [1995: 372–373]: «<...> есть многочисленные читатели (одних филологов – студентов и преподавателей – десятки тысяч, не меньше высококвалифицированных читателей – учителей-словесников, не говоря уже об исследователях языка Пушкина), нуждами и потребностями которых почему-то издательства грубо пренебрегают (ориентируясь лишь на читателей, которые академического издания в руки не возьмут!). Академическое издание – научное издание и рассчитано на филологически грамотного читателя».

²⁷ Автор признателен С.Г. Болотову, Н.Н. Перцовой и И.А. Пильщикову за ценные замечания к разным версиям настоящей работы.

- Григорьев 1966 – В.П. Григорьев. Язык, орфография и писатель // Орфография и русский язык. М., 1966.
- Григорьев 1974 – В.П. Григорьев. Графика и орфография у А. Вознесенского // Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.
- Григорьева 2004 – Т.М. Григорьева. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004.
- Грот 1876 – Я.К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. 2-е изд. СПб., 1876.
- Грот 1888 – Я.К. Грот. Русское правописание. СПб., 1888.
- Давыдов 1852 – И.И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852.
- Державин 1920 – Н.С. Державин. О языке и орфографии Пушкина // Книга и революция. 1920. № 6.
- Еськова 1966 – Н.А. Еськова. Коснемся истории // Орфография и русский язык. М., 1966.
- Живов 2004 – В.М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
- Зализняк 1977 – А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
- Зарецкий 2000 – А.[Р.] Зарецкий. Рец. на кн.: М.И. Шапир. Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. I. М., 2000 // Новая русская книга. 2000. № 6 (7).
- Захаров 1995 – В.Н. Захаров. Подлинный Достоевский // Ф.М. Достоевский. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. 1. Петрозаводск, 1995.
- Зубова 2001 – Л.В. Зубова. Поэтическая орфография в конце XX века // Текст. Интертекст. Культура: Мат-лы междунар. научн. конф. (Москва, 4–7 апреля 2001 года). М., 2001.
- Зубова 2006 – Л.В. Зубова. Поэтика полуслова // Художественный текст как динамическая система. Мат-лы междунар. конф., посвящ. 80-летию В.П. Григорьева. М., 2006.
- Ильин 1993 – И.А. Ильин. Как все это случилось? (Заключительное слово о русском национальном правописании) // Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. II. М., 1993.
- Ильинская 1966 – И.С. Ильинская. Орфография и фонетика // Орфография и русский язык. М., 1966.
- Калайдович 1818 – П.Ф. Калайдович. Опыт словаря русских синонимов. Ч. I. М., 1818.
- Кузьмина 1981 – С.М. Кузьмина. Теория русской орфографии. М., 1981.
- Курганов 1769 – [Н.Г. Курганов]. Российская универсальная грамматика, или всеобщее писмословие... СПб., 1769.
- Лефельдт 1998 – В. Лефельдт. Модернизация текстов Пушкина и ее последствия: Критические замечания по пробному тому запланированного нового академического издания Пушкина // Новое литературное обозрение. 1998. № 5 (33).
- Ломоносов 1755 – М.В. Ломоносов. Российская грамматика. СПб., 1755.
- Лотман 1995 (1987) – Ю.М. Лотман. К проблеме нового академического издания Пушкина // Ю.М. Лотман. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки 1960–1990; «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995.
- Лотман и др. 1981 – Ю.М. Лотман, Н.И. Толстой, Б.А. Успенский. Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века // ИАН СЛЯ. 1981. Т. 40. № 4.
- Орнатовский 1810 – И. Орнатовский. Новейшее начертание правил Российской грамматики, на началах всеобщих основанных. Харьков, 1810.
- Осилов 1992 – Б.И. Осилов. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992.
- Павский 1850а – Г.П. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 1-е. СПб., 1850.
- Павский 1850б – Г.П. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2-е. Отделение 2-е. Об именах прилагательных, числительных и о местоимениях. СПб., 1850.
- Панов 2002 – М.В. Панов. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. 2-е изд., стереотип. М., 2002.
- ПД – Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Рукописный отдел, ф. 244, оп. 1.
- Перцов 2002 – Н.В. Перцов. Из истории русской орфографии: Письмо немецкому естествоиспытателю о пользе буквы Ъ // Русск. яз. в научн. освещении. 2002. № 1 (3). [Коррекции см.: Н.В. Перцов. Письмо в редакцию // Русск. яз. в научн. освещении. 2003. № 1 (5).]
- Перцов 2006 – Н.В. Перцов. Об одном случае акцентной вариативности в русском литературном языке первой половины XIX века // ИАН СЛЯ. 2006. Т. 65. № 5.

- Перцова 1994 – *Н.Н. Перцова*. В. Хлебников. «Девинных слез твоих свирель». Из малодоступного и неизданного // Литературная газета. 1994. № 50 (5530), 14 декабря.
- Перцова 2007 – *Н.Н. Перцова*. О цикле ранних стихов В. Хлебникова // Арабист. Хлебниковед. Человек: Сб. памяти М.С. Киктева. М., 2007.
- Пильщиков 2002 – *И.А. Пильщиков*. Комментарии // Е.А. Боратынский. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1: Стихотворения 1818–1822 годов. М., 2002.
- Пильщиков 2004 – *И.[А.] Пильщиков*. Порядок полемики (О фантоме «новой текстологической программы») // Вопр. литературы. 2004. № 5.
- Пушкин 1815 – *А.[С.] Пушкин*. Воспоминания в Царском Селе // Российский Музеум, или журнал Европейских новостей. 1815. Ч. 2. № 4.
- Пушкин 1829 – Стихотворения Александра Пушкина. Первая Часть. СПб., 1829.
- Пушкин 1835 – Поэмы и повести Александра Пушкина. Часть первая. СПб., 1835.
- Пушкин 1926 – *[А.С.] Пушкин*. Письма. Т. I. 1815–1825 / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л., 1926.
- РГРА 1809 – Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою Академиею. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1809.
- Розанов 1810 – *Ф.Ф. Розанов*. Российская грамматика... М., 1810.
- Сергеева 1989 – *Н.М. Сергеева*. В век жестокий или жестокой? // Пушкин: проблемы творчества, текстологии, восприятия. Сб. науч. трудов. Калинин, 1989.
- Сидяков 1997 – *Л.С. Сидяков*. К проблеме пушкинской текстологии. Из наблюдений над стихотворениями Пушкина 1830–1836 годов // Пушкин и другие: Сб. ст., посвящ. 60-летию со дня рождения С.А. Фомичева. Новгород, 1997.
- Соколов 1792 – *[П.И. Соколов]*. Начальные основания российской грамматики... СПб., 1792.
- Филомафитский 1822 – *Е.[М.] Филомафитский*. О знаках препинания вообще и в особенности для российской словесности // Сочинения в прозе и стихах. Труды общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. Часть вторая. М., 1822.
- Холшевников 1996 – *В.Е. Холшевников*. Еще раз о принципах орфографии в Академическом издании Пушкина // Русская литература. 1996. № 4.
- Чернышев 1907 – *В.И. Чернышев*. Из истории русского правописания. СПб., 1907.
- Чернышев 1941 – *В.И. Чернышев*. Замечания о языке и правописании А.С. Пушкина (По поводу академического издания) // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 6. М.; Л., 1941.
- Шапир 1994 – *М.И. Шапир*. Между грамматикой и поэзией (О новом подходе к изданию Даниила Хармса) // Вопр. литературы. 1994. Вып. III.
- Шапир 1999 – *М.И. Шапир*. О текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика) // ВЯ. 1999. № 5.
- Шапир 2001 – *М.И. Шапир*. Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Московский пушкинист: Ежегодный сб. [Вып.] IX / Сост. и науч. ред. В.С. Непомнящий. М., 2001.
- Шапир 2002а – *М.И. Шапир*. Предварительные замечания [к ч. I] // А.С. Пушкин. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы. М., 2002 (без подписи).
- Шапир 2002б – *М.И. Шапир*. «Евгений Онегин»: проблема аутентичного текста // ИАН СЛЯ. Т. 61. 2002. № 3.
- Якобсон 1985 – *Р.О. Якобсон*. Морфологические наблюдения над славянским склонением (Состав русских падежных форм) // Р.О. Якобсон. Избр. работы. М., 1985.
- Яновский 1803–1806 – *[Н. Яновский]*. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины... СПб. Ч. 1. 1803; Ч. 2. 1804; Ч. 3. 1806.